

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ПЕХОВ

ПЕРЕСМЕШНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Алексей Пехов

Пересмешник

«Автор»

«Автор»

2009

Пехов А. Ю.

Пересмешник / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», 2009

ISBN 978-5-9922-0419-3

Добро пожаловать в Рапгар! Просвещенную столицу цивилизованного мира, город тысячи народов, королевство страстей, вселенную пара и магии. Царство, в котором живут бок о бок лучшие люди и самые страшные чудовища из тьмы. Древняя столица страны – город множества историй, каждая из которых является не менее реальной, чем ваша, и повествует о чьей-то жизни, полной любви, ненависти и приключений. Например, такой, как у чэра Тиля эр’Картиа, по прозвищу Пересмешник, который, к своему несчастью, оказался в неудачное время не в том месте, из-за чего его судьба изменилась раз и навсегда.

ISBN 978-5-9922-0419-3

© Пехов А. Ю., 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	42
Глава 6	54
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алексей Пехов

Пересмешник

*Посвящается Елене Бычковой и Наталье Турчаниновой,
познакомившим меня с Эрин и Бэсс.*

*А также всем, кто захочет остаться в Рангаре надолго.
Добро пожаловать.*

*Гиены и трусов, и храбрецов живут без лишних затей,
Но они не пятнают имен мертвецов: это – дело людей.*

Редьярд Киплинг

*Не бойтесь будущего. Вглядывайтесь в него, не обманывайтесь
на его счет, но не бойтесь... Вчера я поднялся на капитанский мостик
и увидел огромные, как горы, волны и нос корабля, который уверенно их
резал. И я спросил себя, почему корабль побеждает волны, хотя их так
много, а он один? И понял – причина в том, что у корабля есть цель, а у
волн – нет. Если у нас есть цель, мы всегда придем туда, куда хотим.*

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль

Глава 1

«Девятый скорый»

– Скажи на милость, молодой человек, что за глупости ты городишь? – недовольно забрюзжал Стэфан, когда я отпустил коляску, кинув на прощание возникшему мелкую монету.

– Ты о том, что этот парень не заслуживает награды? – произнес я, наблюдая, как экипаж удаляется по живописной липовой аллее в сторону скрытого за холмами Отумхилла.

– Я о том, что теперь нам тащиться пешком четверть мили! О Всеединый! Это просто невыносимо для моих ног!

– У тебя никогда не было ног, – на всякий случай напомнил я ему. – Таким, как ты, они совершенно ни к чему.

– Это исключительно твое, невежественное мнение, – Стэфан не желал ничего слушать. – Что касается того прохвоста – он вор. А жаловать воров в высшем обществе считается плохим тоном.

Я рассмеялся:

– Тебе ли не знать, старина, что в нашем высшем обществе – вор на воре и воров погоняет. Нашел, чем удивить!

Он недовольно побряхтел, понимая, что здесь-то я смог уложить его на обе лопатки, и все-таки сказал:

– Возничий вчера украл бутылку розового шампанского пока вы, пьяные бестолочи, пытались стрелять вальдшнепов в том молодом дубовом леске.

– Пф-ф! Бедняге надо было промочить горло. Ты к нему очень несправедлив, – я наслаждался прогулкой.

Все-таки те, кто говорит, что надо почаще покидать город – правы. Сельская природа куда больше радует глаз, чем улицы Рапгара.

– Если бедняга хотел пить, то поблизости текла река, – ядовито отчеканил Стэфан. – Когда немытая деревенщина утоляет жажду, хлеща шампанское из лучших провинций Жвилья по сорок фартов¹ за бутылку – это конец света! И никак иначе я сие явление назвать не могу. Во времена твоего прадеда, да пребудет он в Изначальном огне, таких жуликов пороли стальными прутами...

– Ага... и еще живьем сдирали крюками кожу, – разом поскущел я. – Но, на мое счастье, мы живем в более прогрессивные времена. Миру нужна гармония, Стэфан.

Однако моя трость с этим утверждением явно была не согласна:

– Миру нужен огонь и стальная пята, иначе он быстро придет в негодность.

– В тебе говорит кровожадная душа демона, – укорил я его и тут же об этом пожалел.

– У нас нет души. И сколько раз я тебя просил – не называй меня так. Это, по меньшей мере, оскорбительно! Амнисы² не относятся к роду низших.

– Ну, извини, – повинулся я, не желая слушать в течение двух следующих часов поток разнообразных нотаций.

– Мой мальчик, когда ты доживешь до моих седин...

– Я не доживу, – перебил я его, и он, поняв, что сказал что-то не то, прикусил язык, кашлянул, прочистил горло и, сменив тему, произнес уже совсем другим тоном:

– Не уверен, что ты поступил правильно, так быстро изменив планы. Ведь ты собирался гостить в Отумхилле до конца недели, а пробыли мы там меньше суток.

– Я извинился перед Зинтринами. Они поймут.

– Извинился письмом, а не лично, как того требуют светские приличия. Это больше похоже на бегство, чем на отъезд.

¹ Один фарт – крупная денежная единица Рапгара – содержит в себе 20 трестонов или 100 сцелинов. Один трестон равен 5 сцелинов.

² От amnis (лат.) – водный поток, в другом значении – душа.

Теперь уже мне нечего было сказать. Стэфан, как частенько это бывает – прав. Но меня тяготило присутствие в имении Зинтринов, куда нежданно-негаданно приехала Кларисса вместе со своими подлецами-братцами. Впрочем, дело было не в ней. Точнее, не только в ней.

Прошло уже полтора года, как я снова оказался в этом фальшивом блеске – высшем свете Рапгара, среди пустых разговоров о погоде, поло, скачках и новых целебных курортах, а все они, прекрасные дамы в вечерних платьях и господа в смокингах и фраках, до сих пор то и дело награждают мою персону в лучшем случае любопытными взглядами. В худшем можно разглядеть целый спектр эмоций, начиная от сочувствия и жалости и заканчивая опаской и презрением. В первом и втором я совершенно не нуждаюсь, третье меня несколько смешит, а четвертое совсем не трогает. Но вместе с тем, по возможности, я старался игнорировать благородные сборища, если, конечно, от этого нельзя было отвертеться.

Данте в шутку называет меня затворником и говорит, что теперь, после всего случившегося, я точно должен брать от жизни все, а не чахнуть у себя в норе.

– Спешу жить, мой друг. Спешу жить, – говорит мне это древнее чудовище, как только на него нападает очередной приступ меланхолии.

Я в ответ лишь улыбаюсь, не желая спорить по таким пустякам, и молчу о том, что Данте сам не слишком торопится выезжать из своего дворца куда бы то ни было и называет половину высокородных господ Рапгара не иначе как неотесанными обезьянами. По его мнению, с мартышками могут общаться лишь очень вежливые чэры,³ а себя он к таковым совершенно не относит.

– Ты же знаешь, как меня тяготят разговоры о покупке нового рысака, грядущих балах, модных идеях портных жвилья и о том, как господин Н. застал госпожу Н. в объятиях господина А., и какая славная дуэль состоится в грядущую пятницу. У меня такое чувство, что за шесть лет моего отсутствия здесь ровным счетом ничего не изменилось.

Помнится, Данте в ответ тихо фыркнул, и наша беседа угасла, словно пламя веры во Всеединого в сердце чернокожего огана.

Я вздохнул полной грудью чистый сельский воздух. Он пах желтой осенней листвой, парным молоком, старым сеном, жареными каштанами и ночным туманом, который совсем недавно успел раствориться среди деревьев, нарядившихся в ало-желтые одежды.

С детства люблю осень. Это замечательный сезон, пускай он и немного дождлив. По мне, зима излишне холодна, весной с моря дует стылый и влажный ветер, летом приходит одуряющая жара. Осенняя пора – лучшее из всего, что может показать природа. Не слишком жарко и не слишком холодно, небо кристально чистое, и все окрестности, куда ни кинь взгляд, сверкают алым, золотым, оранжевым, желтым, охряным и бледно-синим.

Возможно, я просто эстетствую на пустом месте, а быть может, люблю яркие краски увядания, столь близкого мне с тех пор, как господа из Скваген-жольца так не вовремя появились за мной в одну из ненастных весенних ночей семь с половиной долгих лет назад.

– Мы опаздываем, – напомнил Стэфан.

Я на ходу вытащил из кармана жилета часы на золотой цепочке, откинул крышку с памятной гравировкой, взглянул на тонкие, сотканые из огня, воды и воздуха стрелки:

– Нет. Времени полно.

– Опаздываем. Если ты не поторопишься, то пропустим скорый, и вновь придется торчать час в том кафе, где тебе обычно подают отвратительный пережаренный кофе. А затем будем трястись в вагоне второго класса со всяким отребьем и нюхать паровозный дым, потому что окно опять заклинит.

– Эта неприятность случилась десять лет назад. Давно пора о ней забыть.

³ Чэр – уважительное обращение к лучэру.

– У меня долгая память, молодой человек. Я служил твоему отцу и деду, и прадеду пять с лишним сотен лет и помню каждый день этой службы.

– Прости, но не в моей власти отпустить тебя на волю прямо сейчас, – я прекрасно чувствую намеки и недоговоренности.

– Да я и не прошу, – пробормотал Стэфан.

Амнис разрывался – с одной стороны он давно жаждал отправиться в Изначальный огонь, чтобы присоединиться к своим, да чего уж там скрывать – и моим родичам, а с другой стороны, я не помню, чтобы он радовался от осознания того факта, что я когда-нибудь умру. Ведь главное условие освобождения духа из доставшейся мне по наследству трости – смерть последнего потомка в той семье, которой он служит. То есть, в данном конкретном случае последний потомок: лучэр Тиль эр’Картиа – я.

– Ты слышал, о чем вчера говорили в летнем павильоне за пятичасовым чаем? – старина Стэфан меняет темы так же легко и быстро, как я перчатки.

– Порази мое воображение, – я прибавил шагу. – О чем, кроме предстоящих скачек, войне, дел в колониях и биржевых сводках они могут говорить? О том, как помирить сынов Иенала с выходцами из Малозана? Или как выгнать из Пустырей скангеров? А быть может, речь шла о том, что Комитету по рассмотрению гражданства пора жить своим умом и поменьше мозгами мэра? Последний бунт, когда недовольные малозанцы порезвились в Прыг-скоке и разнесли три квартала, а затем полезли в Холмы, нашу городскую управу явно ничему не научил. Я слышал, что ка-га и махоры недовольны тем, как движутся дела с наследованием права гражданства. На мой взгляд, Городскому совету стоит как можно быстрее разобраться с этим делом, если он, конечно, не хочет чтобы в Дымке и Пепелке, действительно, был лишь дым и пепел. Фабрики Рапгару пока еще нужны.

– Нет. Совсем не об этом. Речь шла о том, что в районах Иных завелся пророк, мой мальчик.

– Очень интересно. Но не удивительно. В наше веселое время пророки лезут из-под земли быстрее митмакемов,⁴ испуганных затяжным ливнем над Королевством мертвых.

– Я склонен обратить на него твое драгоценное внимание, о мудрейший, по той лишь причине, что он несколько отличается от сонма остальных шарлатанов, – в голосе Стэфана звучали саркастические нотки.

– И в чем же его отличие, мой неутомимый дух? Неужели у него нет в копилке пророчеств о возвращении Великой тьмы,⁵ кровавом дожде с темных небес, хищных жабах, гибели девственниц, возвращении сынов Иенала на родину и о том, что какой-нибудь скангер с помойки в скором будущем займет место Князя?

– Ты сегодня очень многословен, – укорил меня амнис. – Тебя настолько вывело из равновесия появление Клариссы?

– Скорее уж ее братцев-идиотов. С удовольствием выбил бы из них душу, – проворчал я, взяв шляпу за тулью и приподняв ее, когда мимо, в открытой коляске, проехала благородная дама, судя по всему направляющаяся в Отумхилл. – Так что там насчет твоего пророка?

– Говорят, он за неделю предсказал убийства, случившиеся в Яме.

– А... гибель тех двух господ, что заглянули в Квартал исполнения желаний. Судя по заголовкам газет, там поработал мясник. Надеюсь, предсказателем уже занялся кто-нибудь из Скваген-жольца. В наше время чудеса случаются слишком редко. Я готов поставить десять соуров⁶

⁴ От mitmakem (ивр.) – восставший.

⁵ Великая тьма – период власти предков лучэров (Всеединого) на земле с момента их прихода вместе с кровавым дождем и до возвращения в Изначальное пламя.

⁶ Соур – старая монета Рапгара, почти утратившая хождение. Также называлась Двойным Князем за изображение главы государства на двух сторонах. Чеканилась из золота высшей пробы (содержание не менее 98 процентов), весила 38.5 граммов.

на то, что нет дыма без огня, и пророк – тот самый убийца, о котором последние дни только и пишет «Время Рапгара».

– Быть может так, а может, и нет, – мне не удалось смутить Стэфана. – В этом городе слишком много психов, способных на жестокие поступки. Одних крупных сект и тайных обществ больше двадцати, не говоря уже об обычных выходцах из таких райончиков, как Яма и Ржавчина. Про жителей Пустырей я и вовсе умолчу.

– Что еще поведал славному городу господин пророк?

– Если честно, я слышал лишь краем уха. Ты увидел Клариссу и покинул павильон.

– Какая досада, – проворчал я, свернув с центральной дороги на тропинку, которая должна была привести меня к железнодорожной станции.

Времени до «Девятого скорого», действительно, оставалось немного.

– Но, судя по разговорам за чаем, это только начало. Убийства продолжатся.

– Печально.

Я совсем не бесчувственный, но меня и вправду нисколько не заботило, что какой-то, обожравшийся корней лунного дерева,⁷ больной выпотрошил двух господ, решивших вкусить от греховного яблока удовольствий. Яма есть Яма, и те, кто решает спуститься туда, всегда должны помнить, что можно и не подняться. Разумеется, этот западный район Рапгара не так жесток и опасен, как Пустыри, Город-куда-не-войти-не-выйти или Место, но и здесь можно найти приключения на свою голову.

Убийства в Яме происходят регулярно, что и не удивительно, с таким-то перенаселением, но газетчики ухватились именно за последние, похожие друг на друга, как две капли воды. На тот свет отправилось отнюдь не отребье с помойки, да еще крови оказалось слишком много, что несколько нехарактерно для живущих здесь преступников. Я бы сказал – излишне кровавое предприятие вышло у неизвестного господина. Словно он – год голодавший людоед тру-тру. Уверен, что теперь, пока в городе или в мире не случится ничего более интересного, все внимание прессы будет приковано к Яме.

Думаю, местные вряд ли рады тому, что их улицы переполнены синими мундирами Скваген-жольца. Жандармов в этом районе Рапгара никогда не жаловали.

Я поднял трость, отодвинул в сторону возникшую на пути ветку, огляделся по сторонам.

Солнце уже успело подняться над покатыми живописными холмами, и теперь его лучи били сквозь желтую листву лип. На пожухлой траве и тонких паутинках все еще сверкали редкие капельки росы. Под каменной кладкой, ограждавшей старое поле и тянувшейся с правой стороны от тропы, какой-то зверь, скорее всего бездомный пес, пытался выкопать нору, но так и бросил ее, едва начав. Прямо, сразу за рябинами, ягоды которых уже налились оранжево-алым цветом, виднелся шпиль церкви Всеединого.

До городка было рукой подать. Я отправился в путь, думая о том, что, возможно, стоит, наконец, переехать в провинцию, подальше от огромного Рапгара и пожить в свое удовольствие с месяц, полюбоваться пасторальными пейзажами, пока не закончилась осень. И тут же сам себе сказал, что ничего из этого не выйдет. Огромный город – словно спрут, исчадие Изначального огня, запустившее щупальца тебе в душу. Если уж схватил, то не жди, что отпустит.

Рапгар моя родина. Я люблю его и ненавижу всем сердцем, и никуда из него не денусь. Но я ведь могу потешить себя иллюзиями, что он не властен надо мной, правда? Как говорит Стэфан – никто не может быть счастлив без иллюзий. Они необходимы для нашего счастья не меньше, чем реальность.

Тропка пошла под горку, и я оказался на дороге, теперь уже другой, идущей от Лайнс-вигга – маленького пчеловодческого хозяйства в двух милях от Отумхилла – и входящей

⁷ Корень лунного дерева – священная пряность мяурров, которую используют во время ритуалов, посвященных Лунной кошке. Для других рас порошок из этого растения является сильным, а зачастую и смертельным галлюциногеном.

в городок с западной стороны. Следуя по ней, я окажусь на станции много раньше запланированного срока. Не хочу опаздывать, иначе моя говорящая трость снова напомнит мне о том, что отпустить коляску было плохой идеей.

– Опоздаем, – буркнул амнис, словно читая мои мысли.

– Лучэры никогда не позволяют себе опозданий, – возразил я ему. – Это неприлично и недостойно истинного чэра. Лучэры предпочитают приходить в удобное для них время.

Услышав свои собственные слова, сказанные, когда мне было то ли восемь, то ли девять лет, Стэфан довольно кашлянул и на время успокоился, решив предоставить мне право донести его до поезда.

На этой дороге было еще более пустынно, чем на прежней – я шел в полном одиночестве, не беспокоясь о том, что следует идти по краю, уступая путь всадникам и экипажам. И те, и другие были редкими гостями в сельской местности. Куда уж проще здесь встретить корову или козу, или кого-нибудь из маленького народца, чем dormire⁸ или регулярный дилижанс.

Я подошел к церкви – суровому темному сооружению, сложенному из грубого, плохо отесанного серого камня, с черной черепицей на крыше, узкими высокими окнами, застекленными витражами и ребристым семигранным шпилем, увенчанным алым, горящим и днем и ночью знаком Изначального огня Всеединого.

За церковью, примыкая к дороге, располагалось маленькое кладбище с аккуратными, ухоженными могилами и белыми памятниками. Над тремя дальними надгробиями висели два черных и один янтарный погребальные огоньки⁹ – дыхание Изначального огня, места, куда ушли умершие лучэры.

Я остановился на несколько мгновений, думая о том, что этот теплый свет над кладбищем – единственное, что остается от таких, как я, после смерти, а затем, спустя пару сотен лет, и он исчезнет, растворившись в мире, словно призрачный морок.

– Раньше, при другом святом отце, здесь жил митмакем, – Стэфан счел, что стоит нарушить затянувшееся молчание. – Иногда вылезал, во-о-он из того склепа, что у старой рябины и бродил в окружении мух. Любил проказничать у дороги и пугать запоздалых путников.

– От такой неожиданности можно и в могилу слечь, – усмехнулся я, представив того, кому вид живого покойника был в диковинку.

– И ложились.

– А что же алые мундиры Скваген-жольца?

– У них в Рапгаре забот полон рот. Митмакем нарвался на пикли. Тот его и поджарил своей электрической молнией, а вместе с ним и святого отца, что приютил беглеца из Королевства мертвых.

– Сурово. Покойник нашел с кем связываться. У пикли отсутствует чувство юмора.

– Зато имеется то, за что их терпят в многонародном Рапгаре – цвет жизни, источник прогресса и процветания...

– Можно ограничиться более коротким эпитетом – электричество. Новый бог Рапгара, прости меня за столь кощунственные слова. – Я миновал кладбище, вошел в городок и снова обратился к амнису: – Тропаеллы¹⁰ головастые ребята, раз додумались, как использовать таланты пикли на благо города. Одно слово – изобретатели.

Стэфан кивнул:

⁸ Дормез (фр. – спальня) – комфортабельная карета со спальными местами.

⁹ Цвет погребального огонька зависит исключительно от цвета глаз умершего лучэра: красный, янтарный, пепельный, индиго, зеленый или черный.

¹⁰ От *Tropeolum* (лат.) – настурция.

– Прапрадеду нынешнего Князя стоит сказать спасибо, что он разрешил растениям жить на территории столицы. Конечно, поначалу результат был нулевой, но за последние сто лет огромный прогресс – масса открытий.

– Удобства растут, а мир портится, – заметил я, посмотрев на часы маленькой ратуши. – Многие уже говорят, что пора срубить тропаелл под корень прежде, чем они придумают оружие, которое уничтожит этот мир.

– Ну, полно! – не согласился Стэфан. – Секта Детей Чистоты слишком малочисленна, чтобы собраться с духом и взяться за топоры.

Тут он прав. Идиоты, ратующие за возвращение в темные века, когда никакого прогресса не было, а люди жили в единении с природой (считай в лесу, грязи, пещерах и без надежды на теплую воду из труб), – слабы, и жителям Больших голов не угрожает ничего, кроме слов. Но рано или поздно отыщется храбрый придурок и придет, если не с топором, то с бочкой пороха, и тогда во все стороны полетят сначала щепки, а затем и головы.

В Рапгаре всегда найдутся те, кто недоволен друг другом. Кому-то не нравятся люди, кому-то ка-га, кто-то не выносит завью или фиосс, а кто-то ненавидит лучэров. Нам всем приходится лавировать, словно мы тяжелые паровые броненосцы из флота Князя, запертые в узкой бухте. И не дай Всеединый зацепить друг друга – тут же начнется пальба, в результате которой кто-то может пойти на дно.

Расовая нетерпимость въелась в кости жителей Рапгара, и вытравить ее не получится ни цивилизацией, ни несущимся скачками прогрессом.

Запах черной смолы, идущий от шпал, резкий, но, тем не менее, приятный окутывал маленький вокзал благоухающим коконом, словно дорогие духи жвилья утонченную модницу. Часы, висящие здесь – с белым циферблатом и острыми, похожими на копыя стрелками, вели обратный отсчет. Ка-га гордились своими скорыми поездами – те всегда, во всех без исключения случаях, приходили вовремя.

До «Девятого скорого» оставалось чуть больше десяти минут.

Я прошел по деревянному перрону в вокзальную кассу, возле которой не было ни единой души, и купил билет в первый класс, получив пожелание доброго пути от седовласой старушки-кассирши, закутанной в белую пушистую шаль.

На перроне находилось всего несколько пассажиров, они топтались в самом начале, где должны остановиться вагоны третьего класса. Все были людьми.

Мимо меня прошел пожилой начальник станции. На его синем сюртуке важно поблескивали золоченые пуговицы. Заметив мои глаза и поняв, что перед ним лучэр, он вежливо приложил руку к плоской фуражке с лакированным козырьком.

В тени, под газовым фонарем, сейчас погашенным, сидел чистильщик обуви. Увидев меня, он оживился. За несколько сцелинов юноша начистил мои остроносые туфли, запылившиеся за время пешей прогулки, до зеркального блеска. У мальчишки, продающего газеты, я купил свежий номер «Времени Рапгара» и, свернув газету в трубку, подошел к краю платформы, привлеченный суматошным цыплячьим пискком.

На чугунных рельсах царило суетливое оживление – делегация маленького народца встречала поезд. Эти разнообразные создания, которых не счесть по количеству типов и разновидностей, были поражены прогрессом куда больше всех остальных. Паровоз ка-га они считали чем-то вроде огромного и ужасного божества. Поэтому частенько собирались маленькими демонстрациями, выбирались на рельсы, чтобы приветствовать гремящее чудовище и, разумеется, гибли десятками, раздавленные многотонной машиной и ошпаренные паром. Никто не собирался экстренно тормозить из-за каких-то безымянных блох, выбравшихся на пути.

Малыши по случаю торжественной встречи обрядились в парадные наряды, сплетенные из цветов и травы, а малышки напялили свои лучшие платица, сотканые из дымчатой пау-

тины и обрывков одежды огородного пугала. Один кудрявый карапуз не нашел ничего лучше, как проделать в коробке из-под махорочного табака «Магарский ванильный» отверстия, просунул туда руки и ноги и, очень гордый собой, махал разноцветным флажком.

– Могучий дымледым! Шипящий паропар! – пищали они, прыгая, кто во что горазд. – Трясущий рельсоход! Гремящий чух-чух-чух! Великий ту-ту-ту!

– Эй! Вы! – сказал я, подобрав самый грозный и сердитый из множества своих голосов. – Уходите прочь! Немедленно!

Они тут же притихли. Одна из малышек, с пурпурными стрекозиными крылышками, ойкнула и упала с рельса. Остальные тут же опустили флаги, цветы и серебристые конфетные фантики. Все воззрились на меня, раскрыв рты, словно кролики на удава.

– Живо! – прикрикнул я, для остротки сверкнув глазами.

Несколько козявок начали расстроено хлюпать носами, а та, у которой юбочка была сшита из желтого березового листочка, разревелась.

– Ну, во-о-о-от, – расстроено пропищал кудрявый паренек в коробке из-под махорки, кажется, самый главный в этой компании.

Он чихнул, вытер курносый красный нос кулачком и с трудом слез с рельса. Следом за ним, ревя, точно белуги, потянулись все остальные.

– И чтобы я вас здесь больше не видел! – крикнул я им вслед. – Ни сегодня, ни завтра, никогда!

Они не ответили и, шурша, словно мышки, скрылись в сухой траве.

– Какое тебе дело до этой мелочи? – спросил Стэфан.

– Не хочу, чтобы у меня на глазах в небытие отправилось больше трех десятков душ.

– Тоже мне души, – проворчал амнис. – Всех в один наперсток уложить можно, и другим накрыть. Не понимаю я этих таракашек. Не могут найти себе более легкий способ для самоубийства? Вечно лезут то под поезд, то под трамвай, то на провода пикли.

– Они слишком наивны, добры и доверчивы, чтобы понимать, какую опасность представляют все эти штуки, – вздохнул я, отходя от края.

Я люблю маленький народец. Во всяком случае, большинство из них. Мне неприятно видеть, как погибают эти создания Всеединоного. В последние годы их смерть превратилась почти в стихийное бедствие, но окружающим ровным счетом плевать на какую-то, едва видимую под ногами, мелюзгу, когда есть дела поважнее и покрупнее.

Семь с половиной лет назад я думал примерно также, но шесть лет размышлений и лицезрения печати Изначального пламени в корне поменяли мою точку зрения. Я понял, что любое дело важно, даже самое мелкое и, на первый взгляд, незначительное. Маленький камешек тянет за собой в пропасть огромные глыбы, и от такого камнепада невозможно укрыться.

Банальный пример? Возможно. Спорить не буду. Вот только моя цель в жизни сейчас зависит не от глыб, а от мелочей. И когда я их, наконец-то, обнаружу, буду надеяться, что случившийся камнепад похоронит под собой тех, кто так ловко и без спроса перекроил мою жизнь.

Из-за поворота показался поезд. Черный четырехцилиндровый паровоз с выписанными на боках алыми молниями и алыми колесными центрами, пыхтя и сопя, легко тащил за собой вереницу вагонов – синих, зеленых и желтых,¹¹ выплевывая в чистый воздух клубы черного угольного дыма.

– И вот он сошел с небес в паре и дыме, сыпля искрами и воя, точно вырвавшийся из Изначального огня низший, – продекламировал Стэфан.

– Какая-то запрещенная книга? – любопытствовал я.

– Речь Князя на предпоследнем военном параде, повествующая о том, что Рапгар не собирается отказываться от своих дальних колоний в угоду шейху Малоозана, – рассмеялся амнис.

¹¹ Класс вагона определяется его цветом: желтые – первый класс, синие – второй, зеленые – третий.

– А... – протянул я, разом потеряв всякий интерес к цитате.

Поезд, уже полностью сбавив ход, шипя, прополз мимо меня, и я прочитал на двери будки машиниста белые буквы: «Рапгарская северная железная дорога. № 9. Скорый».

Вагоны с лязгом остановились, начало платформы окутало клубами белого пара, и люди постороились, пропуская выбравшегося из тендера с углем махора. Гигант, измазанный черной пылью от макушки до пяток, сопя, подошел к подводе, на которой его дожидались деревянные ящики. Увалень посмотрел на них, задумчиво пожевал тяжелыми челюстями, почесал одну из двух своих рогатых голов и повернул ее за разъяснениями в сторону паровоза.

Из будки высунулся длиннющий, похожий на гнилую волосатую морковку нос ка-га, обложил помощника трехэтажным загибом, смысл которого заключался в том, что пора отправляться, и вновь скрылся. Махор тяжело, словно слон, вздохнул, повел могучими плечами, подцепил первой парой рук сразу половину груза, а второй – другую половину, и, пыхтя от натуги, грузно зашагал к паровозу. Доски перрона под его увеличившимся весом жалобно скрипели.

Я направился к своему вагону – одному из двух, предназначенных для первого класса. На этой станции я был единственным пассажиром, решившим путешествовать до Рапгара с комфортом.

Кондуктор мяурр, увидев меня, снял фуражку, предупредительно поклонился, блеснув посеребрёнными усами:

– Пожалуйте, чэр. Я провожу вас до вашего мрряуеста. Следуйте за мной.

– Благодарю вас.

Я прошел за Полуденным,¹² гадая, за что его лишили хвоста. Сын Луны¹³ мог сделать это по массе причин, но верной я так никогда и не узнаю, потому что спрашивать о подобном, даже если перед тобой слуга, невежливо.

В вагоне оказалось шесть купе, мое было четвертым. Кот распахнул дверь из орехового дерева, отошел в сторону, пропуская меня.

– Чэр позволит взглянуть на его билет?

Я сел на кожаный диван, молча протянул розовую карточку, на которой золотыми буквами была оттиснута девятка с крылышками. Кот достал из футляра, висевшего у него на поясе, серебряные щипчики и пробил корешок.

– Спасибо, чэр. Поезд прибывает на Центральный вокзал без четверти одиннадцать. Если вам что-нибудь понадобится, просто сообщите мрряуне.

¹² Полуденный – изгнанный из прайда за какой либо серьезный проступок мяурр (в том числе за отказ от истинной и единственной веры в Лунную кошку или же запятнавший себя недостойной работой). Для семьи прайда такой мяурр больше не существует.

¹³ Сын Луны – глава всех прайдов. Обычно самый старый и мудрый кот.

Глава 2

По северной железной дороге

Не успел я разместиться, как прозвучал сигнальный рожок начальника станции, извещающий об отправлении. Спустя секунду раздался длинный паровозный гудок, и поезд тронулся. Я смотрел в окно, наблюдая, как картинка за стеклом все больше и больше сдвигается, проваливаясь назад.

Вот промелькнула платформа, белые домики с алой черепицей, яблоневые сады, и начались желто-охряные, уже убранные поля, изредка перемежающиеся оранжево-алыми рощами. Мы набирали ход, с каждой минутой двигаясь все быстрее и быстрее. «Девятый скорый» на прямых участках пути и при хорошем угле развивал серьезную скорость, и дорога до Рапгара занимала намного меньше времени, чем если бы я воспользовался коляской.

Вагон мягко покачивало, и цветы в хрустальной вазе – темно-бордовые астры – кивали пушистыми головками в такт стуку колес. Купе первого класса было отделано ореховым деревом, покрытым золотистым лаком. Металлические поверхности сияли позолотой, хрустальный бар в углу искрил гранями, когда внутрь заглядывали солнечные лучи.

Здесь было просторно, два кожаных дивана с дутыми спинками напротив друг-друга, закругленный стол, накрытый дорогой магарской скатертью, чуть дальше дверь в душ, шкаф для одежды с резными дверцами, бар с напитками. Ради интереса я заглянул туда, оценил подбор хорошего дубового виски, вина кохеттов и жвилья, колониальный кокосовый ром высшего качества, по двенадцать фартов за бутылку, граппа в прозрачном графине и кальвадос. Я вытащил темно-зеленую бутылку с узким, хрупким горлышком, взглянул на сине-фиолетовую этикетку.

– Не рано ли начинаешь? – в голосе Стэфана сквозило явное неудовольствие.

– Даже не собирался, – я стукнул ногтем указательного пальца по запечатанной пробке. – Чисто практический интерес. Кальвадос здесь подкачал. Короткая выдержка в дубовых бочках – слишком резок на мой взгляд.

Я убрал напиток обратно в бар, закрыл хрустальную дверцу, на которой стекольщик вырезал райских птиц, сел обратно на диван, бросив мимолетный взгляд на свою трость, расположившуюся в специальной подставке, недалеко от стола.

Черное лакированное эбеновое дерево, серебряные кольцообразные вставки для усиления конструкции и тяжелая серебряная рукоятка-набалдашник в виде головы сварливого старикана. Лысый череп, хитрющие глазки, кустистые брови, острый нос и костлявый подбородок. Старина Стэфан предпочитает именно этот образ, хотя у него в рукаве есть еще несколько, но пользуется он ими крайне редко. Что бы там амнис не говорил о том, что ему, духу, рожденному Изначальным пламенем, претит физическая оболочка, он очень трепетно относится к своему внешнему виду, и несколько раз заставлял очищать металл от черного налета. Мол, тот придает его облику излишне неряшливый оттенок.

Трость, заботящаяся о том, как она выглядит – вполне обычная вещь в нашем сумасшедшем мире.

Я прошел мимо зеркала, которое на мгновение отразило чэра лет тридцати, с темными, несколько длинными для нынешней моды волосами и пепельно-серыми глазами, облаченного в светло-серый костюм тройку. Узел на шейном платке немного изменил форму, и я вернул его в прежнее состояние, про себя отмечая, что веки у меня сегодня слишком красные, а морщинки в углах глаз предупреждают любого, что я вот-вот готов рассмеяться, хотя это и не так.

Многие, особенно незнакомые, глядя на мое лицо – считают меня неплохим и несколько ироничным парнем. Это впечатление усиливается, когда я начинаю говорить. Я не люблю повы-

шать голос, и обычно это создает образ некой расслабленности и неопасности. Что меня вполне устраивает.

– Стоило взять с собой вещи, – отвлек меня Стэфан. – Хотя бы маленький дорожный саквояж.

– К чему? – удивился я, откидываясь на приятную кожаную спинку. – Предпочитаю путешествовать налегке. Позже пришло кого-нибудь за ними к Зинтринам.

Я развернул «Время Рапгара»... В отличие от многих, я предпочитаю начинать читать утренние газеты с последней страницы, той, где публикуют некрологи. На мой взгляд, любая, даже самая горячая новость часа, включая внезапную кончину Князя или очередное восстание в очередной колонии, или находка очередных сапфировых приисков может подождать, в отличие от смертей жителей Рапгара.

У меня в этом свой интерес. Я все еще продолжаю надеяться увидеть в списках трех братьев Клариссы, чэров Патрика эр'Гиндо, Мишеля эр'Кассо и чэру Фиону эр'Бархен – членов справедливой Палаты Семи,¹⁴ господ старших инспекторов Грея и Фарбо, а также ублюдка Шольца из «Сел и Вышел». Ну и безымянного садовника, будь он проклят Изначальным огнем, за погубленную поляну анемонов, что росли возле моего дома с момента основания Рапгара.

Кажется, никого не забыл.

– Ничего? – Стэфан был в курсе моих привычек и моей ненависти.

– Ничего, – холодно отвечал я и прочел, подражая ленивому голосу Данте, когда тот цитирует фразы из скучной книжонки: – «Добрый сын», «хорошая сестра», «любящий муж». Ни одного мерзавца, подлеца и труса. Эти господа все еще имеют честь дышать воздухом Рапгара в совершенно возмутительных количествах.

Он усмехнулся.

– Что? – тут же спросил я, отрывая взгляд от строчек.

– Ты, как хаппопелма,¹⁵ мой мальчик. Только жители Паутинки могут столь терпеливо выжидать в засаде. Прошло полтора года, но ты даже не щелкнул жвалами, словно тебе и дела нет до всего этого.

– И?...

– Ты сильно изменился. Перестал играть. Стал менее порывист и более осторожен. Слушаешь, наблюдаешь и не тревожишь гнездо фиосс. Такой, признаться честно, ты мне нравишься больше, чем прежний. Становишься похож на своего деда. Он тоже всегда ждал до последнего.

– Ну, тебе лучше знать, – я растянул губы в вежливой улыбке и вновь уткнулся в газету.

– Эта тактика не работает, Тиль. Он не объявится, – вкрадчиво сказал амнис.

– Ты о ком?

– О том, кто за всем этим стоит. Иначе ты бы уже хоть что-то узнал. Выжидать он может дольше, чем ты.

Я пожал плечами, скользя глазами по ставшим вдруг невидимыми строчкам. Не хочу и не буду верить в это, иначе моя и без того хлипкая надежда обернется прахом. Порой, просматривая некрологи, я начинаю думать, а вдруг это он, здесь, среди черных букв, оттиснутых на дешевой бумаге печатной машиной? Что гнусная сволочь спряталась за «любящим отцом» или «верным другом» или «храбрым офицером», а я даже этого не узнаю и так и останусь ни с чем. В такие минуты я начинаю испытывать нехарактерные для меня приступы страха.

– Считаешь, что я не прав? – Стэфан не стал отказываться от разговора.

¹⁴ Палата Семи – организована Князем и подчиняется исключительно ему. Является высшим судом для лучэров, неподсудных обычным городским судам, а также одной из ведущих политических сил, способных с разрешения Князя влиять на процветание государства и дипломатические отношения с другими странами. В состав Палаты входят семь лучэров из высшей знати Рапгара. Распоряжениям Палаты Семи подчиняется мэр, Городской совет и серые жандармы Скваген-жольца.

¹⁵ От *Harlopelma lividum* (лат.) – кобальтовый птицевед.

– Верно. Так я и считаю. – За окном плыли пушистые облака и мелькали золотистые деревья. – Потому что семь с половиной лет назад он уже сделал свой ход. Отступать и прятаться поздно. Его ищу не только я. Верю, что Князь лично заинтересован в поисках виновного, а значит, серые ищейки Скваген-жольца работают.

– Тем более. Ты хочешь опередить профессионалов?

– Я? Ничуть, – солгал я. – Что касается их умения работать – сомневаюсь, что они смогут найти искомое по остывшим следам, раз у них не получилось это сделать по горячим. Впрочем, давай закроем тему. Она мне неприятна.

– Как тебе угодно.

Я начал листать газету задом наперед, словно какой-то малозанец.

– Что интересного пишут? – Стэфан всегда был жаден до новостей.

– «Команда университета Йозефа Кульштасса в третий раз подряд выиграла соревнования по академической гребле у университета Маркальштука, проплыв по каналу Мечты от залива Тихой стоянки за рекордное время. Победители отправятся на мировое спортивное студенческое первенство защищать честь родного города», – прочел я спортивную колонку под рисунком восьмерки обнимающихся гребцов.

– Ну да. Ну да. Махать веслами – все же не мозгами шевелить. Лучше бы учились, бездельники!

– Ты похож на сварливого старика.

– Я и есть старик. А от такой жизни вполне можно стать сварливым. Там о грядущих беспорядках и драках в Старом парке между студентами враждующих университетов ничего не сказано?

– Ни строчки, – серьезно ответил я ему.

– Так я и думал. Помяни мое слово, Тиль. К вечеру случится грандиозная буча. Опять побьют все фонари.

– Лучше фонари, чем лица. После предыдущих соревнований было шестеро или семеро погибших болельщиков.

– Это если не считать десятка тех, кто застрелился, проиграв пари, – подхватил Стэфан. – Давно пора запретить все эти игрища. Или же отправить оболтусов на Арену. Если умрут, то с толком.

У амниса было свое мнение о некоторых спортивных состязаниях.

– Кстати, что там с Ареной? – оживился дух. – Сезон ведь открывается на следующей неделе! Не хочешь приобрести билет? Я с интересом бы окунулся в боевой азарт и поболел за Крошку Ча.

– Прости мне мою необразованность, но кто такая Крошка Ча?

– Ты словно и не лучэр. Совсем перестал интересоваться популярными азартными играми. Крошка Ча – это он. Лучший управляющий паровой машиной за всю историю Рапгара. Победил всех соперников. Он уже пять лет является абсолютным чемпионом. Никто против него и не ставит, хотя если он когда-нибудь проиграет, кто-то озолотится.

– Вам, амнисам, только и надо, что потратить немного фартов ваших хозяев, – неодобрительно сказал я.

– Азартные игры у нас в крови, – не стал отрицать Стэфан. – Но ты же знаешь, мой мальчик. Я этим не злоупотребляю.

– В отличие от моего брата, – нахмурился я еще сильнее.

– Не хочешь с ним поговорить?

– Нет. Ты же знаешь, чем обычно заканчивается подобное. Мой кошелек скудеет на пару десятков фартов. Виктор обладает уникальной способностью вытягивать деньги из родственников и спускать их в одночасье.

– Может, начнешь читать с первой страницы? Там все самое интересное.

– И не подумаю! Как тебе новость? «Вчера Городской совет выступил с заявлением, что дьюгони смогли полностью восстановить городскую дамбу, частично поврежденную после весенних паводков и поднятия уровня воды в озере Мэллавэн. Угроза затопления для западных районов Рапгара миновала». Нет, ты слышал? Если бы дамбу прорвало, то половину города смыло точно. Уровень воды в озере выше, чем в море, футов на восемьдесят. Если что и уцелеет, то лишь Холмы да Каскады.

– Что ты хочешь от Городского совета? – деланно удивился Стэфан. – Ляпни они что-нибудь неутешительное, и мэр бы раскатал их быстрее, чем Палата Семи раскатала бы его. Дьюгони работали очень неспешно – почти четыре месяца. Если бы летом начались затяжные дожди, как три года назад, дамба могла и не выдержать.

– Ну, дьюгоням это как раз все равно. Вода – их стихия. И они не слишком довольны политикой мэра. В последнее время заводы и фабрики Копоти, Сажи, Дымка и Пепелка сбрасывают им в воду кучу дряни. Они уже несколько раз подавали протест в Городской совет.

– Толку-то? – фыркнул амнис. – У детей рыб ограниченное гражданство. Их никто и слушать не станет.

Я посмотрел в окно – мы замедляли ход, подъезжая к очередной станции:

– Они не рыбы, кроме того Глас Иных и Народная палата¹⁶ на их стороне. И ты не прав, что их не станут слушать. Я уверен, что дамба повредилась не просто так. Несложно предположить, что на этот раз дьюгони ее не доломали. Следующая попытка будет удачнее. Если затопит Кошачий приют, мяурры поднимут такой вой, что даже владельцам фабрик придется прислушаться. Если не к ним, то к Князю. Он благоволит котам. Так что давно пора проводить сливные трубы через Соленные сады в реки.

– По мне, так уж сразу в грунт к тропееллам. Тогда цветочки мгновенно придумают, как очистить грязную воду от мусора, – амнис рассмеялся дребезжащим смехом.

На станции мы стояли всего ничего, поезд вновь тронулся, и я углубился в чтение.

– ...Что еще интересного? – не выдержал Стэфан минут через тридцать.

– Смотри-ка. Через месяц в город приезжает оперный театр жвилья. Ожидается аншлаг.

– Неужели тебе это интересно? Особенно после той интрижки с балериной? – изумился он.

– Не слишком. Точнее, совсем не интересно. Но к этому событию обещают наконец-то дотянуть трамвайную ветку до Маленькой страны. А вот это уже куда важнее! – я перелистнул страницу. – Обострение дипломатических отношений с Малозаном. Очередной виток.

– Кирус? – тут же догадался амнис.

– Верно. Кирус. Попросил у Рапгара помощи в защите веры от малозанских фанатиков. Здесь не хотят поклоняться солнцу. Князь ввел на остров Двадцать четвертый полк легкой пехоты, Семнадцатую роту магической безопасности и отправил к берегам союзника Второй флот. В том числе и броненосцы «Пламя», «Светлячок» и «Чэра Мария-Александра».

– Да ну? Она же была возле Магара! В порту Кальгару.

– И малозанцы, наверное, так думали. И вот тебе сюрприз – недалеко от их берегов – три тяжелых корабля. Того и гляди пальнут по дворцу шейха.

– Как ответил Малозан?

– Пока никак, – я дочитал заметку, завершившуюся слащавой патриотической чушью. – Но южане непременно обидятся на ввод наших войск и устроят какую-нибудь пакость. Кирус свободное государство, а не наша колония. Так что действовать следует ювелирно. Не уверен, что наши военные справятся. Вполне возможно, что к зиме начнется война.

¹⁶ В состав Городского совета входят: Палата Благородных (лучеры, высокородные люди и военные), Народная палата (торговцы и избранные народом районов представители из числа людей), Палата Иных (представители других рас Рапгара, но не больше 40 процентов от Народной палаты).

– Вся эта защита веры – жалкое прикрытие. И Рапгар, и Малазан порвут глотки за черную кровь, найденную в белой земле острова.

Это точно. Кирус лет четыреста находился под протекторатом южной империи, пока отец нынешнего Князя не посоветовал прежнему шейху отвалить в свою пустыню, к финиковым пальмам подобру-поздорову. Наши колониальные войска быстро переломили упрямство мало-занца, и с тех пор остров свободен и независим, хотя многие его и называют негласной четырнадцатой колонией Рапгара.

Но год назад в горах Кируса нашли то, что называли черной кровью. Не знаю, что это за дрянь, возможно, она осталась еще с того времени, когда мир населяли предки лучэров, но обнаружили ее исключительно в одном месте – на маленьком острове посреди Срединного моря.

Тут же пошли слухи, что тропеаллы, едва увидев черную кровь, отложили пору цветения на неопределенный срок, заперлись в лабораториях Больших голов, и корней с чашелистиками оттуда не кажут. Либо нас в скором времени ждет очередной виток прогресса, от которого и так уже некуда деваться, либо я ничего не понимаю в этой жизни.

Маги тоже заинтересовались неизвестной субстанцией и уже успели сообщить, что потенциал некоторых заклинаний, в особенности тех, что запрещены Палатой Семи и разрешены лишь некоторым, приближенным к высшей верхушке чэрам и алым¹⁷ жандармам, при использовании черной воницей жижи увеличивается вчетверо.

Разумеется, Малозан тоже захотел припасть к новому источнику власти и могущества, вновь заявил территориальные претензии на остров и начал подтягивать к морским границам крылья армий, впрочем, пока избегая открытых нападков и ограничиваясь завуалированными, дипломатическими, оскорблениями.

Эта возня меня не слишком интересовала, поэтому я не стал читать мнения авторитетных людей и уважаемых жителей города и добрался до первой страницы. Где-то минуту изучал огромную надпись с кучей восклицательных знаков, затем с мрачным видом показал ее Стэфану:

– Твой пророк был прав, старая ворона. Все только начинается. Убийца и не думает успокаиваться. Его уже называют Ночным Мясником. Сегодня произошло третье убийство. И ты не поверишь – он все-таки выбрался из Ямы.

– Где? – односложно спросил амнис.

– Восток Соленых садов. Парень, кем бы он ни был, решил не сидеть на месте и отправился в путешествие по Рапгару. Если жандармы его не поймают, он того и гляди доберется до Небес или Золотых полей. Погиб... опять благородный господин. Имя не сообщается. Какое чувство такта! Не думал, что оно есть у наших газетчиков.

– Возможно, кто-то известный. Думаю, еще пара смертей, и серые мундиры Скваген-жольца возьмут под контроль прессу, иначе начнется паника.

– Все к этому и идет. А вот это уже интересно! Слушай. «Как сообщает достоверный источник, рядом с телом убийца оставил некую надпись, но представители западного отдела Скваген-жольца, в том числе и старший инспектор Грей, ведущий это дело, по поручению начальника жандармерии чэра Гвидо эр'Хазеппа, отрицают такую информацию. Наш журналист видел, как несколько жандармов несли воду и краску, чтобы смыть надпись, хотя официальные лица Скваген-жольца отрицают и это, отмечая, что воду и краску использовали, чтобы удалить кровь и не пугать местных жителей. Нам остается лишь догадываться о том, какое послание оставил Рапгару жестокий убийца, и почему власти скрывают его от общественности».

¹⁷ В Скваген-жольце существует три отдела. Синий – расследующий обычные преступления, серый отдел – занимающийся политическими правонарушениями, и алый – занимающийся магическими нарушениями закона.

– Грей ведет дело? Они не найдут даже объедков! Правда, меня больше интересует, не что написал убийца, а как он убил, – заявил Стэфан.

– Говорю же, ты слишком кровожаден. Даже для амниса, – я, потеряв интерес к газете, бросил ее на стол и встал, решив догулять до вагона-ресторана, находившегося по соседству с моим вагоном.

Разумеется, можно было заказать еду и сюда, но я не люблю попусту гонять людей и Иных, когда что-то можно сделать самому.

В коридоре меня едва не сшибли с ног. Два господина неслись по проходу со скоростью летящего в пропасть паровоза. Один очень походил на представителя народа жвилья – нос с горбинкой, карие глаза и тонкие губы. Одет он был куда лучше, чище и изысканнее своего товарища. Во всяком случае, у меня не полезли глаза на лоб от сочетания несочитаемого. Чего я бы не сказал о его приятеле. Клетчатый, потертый пиджак, ало-фиолетовый галстук, желтая рубашка и шляпа, на которой, казалось, основательно потоптался какой-нибудь махор, а может быть, слон.

Мужчина с потным, красным лицом втоптал бы меня в ковер, если бы я не успел посторониться. Он, явно разочарованный тем, что случайная жертва ускользнула от него, буркнул в мой адрес нечто нелестное. Жвилья, немного запыхавшись, снял на ходу шляпу, вежливо и извиняюще улыбнулся:

– Постите моего д’уга, чэ’. Он поте’ял кошелек.

Когда он говорил это, его темные глаза были холодными, колючими и отнюдь не вежливыми, в отличие от его слов. Я знал такие взгляды – успел повидать их у некоторых заключенных во время своей кратковременной экскурсии в рапгарскую тюрьму. Здесь главное – следить за руками такого человека. Стоит зазеваться, и кусок стали войдет тебе в печень, почку или шею.

Они появились и исчезли, словно выбравшийся из трущоб тру-тру. Я пожал плечами и, тут же забыв о них, дошел до ресторана, выпил кофе и вернулся к себе в купе, где Стэфан начал ворчать, что хочет спать.

Здесь меня насторожил странный шорох из шкафа. Я нахмурился. Крыса в вагоне первого класса – редкое явление. Резко распахнув дверцу, я едва избежал удара стилетом в грудь, отпрянув в последний момент и перехватив тонкое запястье.

Не слишком церемонясь, я рванул руку напавшего книзу, одновременно выкручивая ее, и услышал жалобный вскрик. Пришлось выволочь содержимое шкафа на свет, чтобы рассмотреть того, кто едва не испортил мой пиджак и все, что находится под ним.

«Содержимым» оказалась молодая женщина.

Ее заплаканное лицо было искажено болью, отчаяньем и страхом. Впрочем, когда она разглядела меня, там появилась и еще одна эмоция – неземное удивление.

– О, Всеединый! – прошептала она. – Вы не они!

– Очень своевременное наблюдение, – сказал я, забирая из ее разом расслабившейся руки стилет. – Не знаю, кого вы ожидали повстречать в моем шкафу, но их здесь нет.

Стэфан благоразумно молчал.

– Отпустите, – попросила девушка и добавила совсем жалобно. – Больно.

Я поразмыслил над ее предложением и, решив, что хуже уже точно не будет, вряд ли в ее сумочке можно спрятать что-то крупнее пилочки для ногтей, разжал пальцы.

– У вас медвежья хватка, – сказала она, все еще сидя на коленях и растирая запястье. – Простите, чэр. Мне нет оправдания за это нападение. Я увидела, что купе открыто и подумала, что оно пустует. Я... я... мне нет оправдания... позвольте мне уйти.

Она бросила затравленный взгляд на дверь, ведущую в коридор. Было понятно, что выходить туда ей очень не хочется. Мое решение созрело мгновенно:

– Садитесь, – указал я на диван. – На полу холодно.

Девушка поколебалась, нервно коснулась красивой булавки в виде химеры, приколотой к ее жакету, но приглашение приняла, присев на самый краешек.

– Кто вы, чэр?

– Извините мои плохие манеры, леди. Я не успел представиться, – я постарался, чтобы в моем голосе не было иронии. – Мое имя Тиль эр’Картиа.

– Эрин.

– Эрин? – я поднял брови, подразумевая, что должно быть еще.

– Просто Эрин, – сказала она и разрыдалась.

Этого еще только не хватало! Когда начинают плакать женщины, я чувствую себя совершенно беспомощным.

Я протянул ей свой носовой платок и позвал кондуктора, спрятав стилет под газету. Мясурр вопросительно посмотрел на всхлипывающую незнакомку, затем на меня, ожидая разъяснений.

– Эта леди – моя гостья. Пожалуйста, принесите ей чаю и какое-нибудь пирожное.

У него хватило чувства такта не проверять ее билет, решив поднять этот вопрос несколько позже. Кот вернулся меньше чем через минуту с подносом, на котором стоял чайник, чашка с блюдцем, кувшинчик с молоком, сахарница и нечто сладкое, воздушное и украшенное кремом – очередная кулинарная драгоценность от поваров жвиля.

Я дал кондуктору несколько фартов, что его полностью удовлетворило, так как кошачья рожа стала совершенно довольной, и он откланялся, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Пейте, – сказал я, наливая в чашку темного чая. – Это вас успокоит.

Эрин благодарно кивнула и улыбнулась. Улыбка у нее оказалась обворожительной. Да и сама девушка, несмотря на заплаканное лицо, надо отдать ей должное, была симпатичной. Утонченное личико с маленьким аккуратным носиком, большие, чистые, прозрачные голубые глаза, густые ресницы, на которых все еще блестели слезы. Карминовые губы казались чуть припухлыми, изящные каштановые завитки волос падали на лоб из-под очаровательной шляпки.

Фигура у этой невысокой прелестницы была преотличной, и со вкусом подобранная одежда лишь подчеркивала это. Узкая юбка тальер плотно облегла бедра, расширяясь внизу наподобие лилии, консервативный жакет делал талию тонкой, подчеркивая грудь, а узкая сорочка с тугим воротничком и женским темно-кремовым галстуком, давали простор для слишком неумного воображения. Такого, как у меня, например.

– Мне до сих пор страшно. Ведь я едва не убила вас, чэр! – она поежилась, словно от зябкого ветра. – С моей стороны было очень необдуманно приходить сюда.

– От кого вы прятались? – поинтересовался я.

Девушка тут же помрачнела:

– От друзей моего жениха. Моего бывшего жениха. Я разорвала помолвку и сбежала за день до свадьбы, а они поклялись во что бы то ни стало вернуть меня под венец.

Лгала она тоже совершенно очаровательно, и я не верил ни одному ее слову, даже несмотря на широко распахнутые, прекрасные, невинные глаза. Смею надеяться, что Эрин действительно сожалела, что хотела проткнуть меня этой острой штукой, но вся история про жениха не стоит даже самой худосочной лапки фиоссы. Если каждая сбежавшая невеста будет тыкать стилетом в грудь очередного друга суженого, то мужское население Рапгара вымрет в течение года.

– Я не буду досаждать вам своим обществом, чэр эр’Картиа. На следующей же станции я непременно сойду.

Я хотел сказать, что ее общество меня несколько не утомляет, но не успел. Меня превали самым бесцеремонным образом.

Дверь едва не слетела с петель, девушка испуганно вскрикнула, вжавшись в стенку, а в проеме появилась красная, потная рожа уже знакомого мне амбала, за которым маячил жвилья и еще какой-то усатый уродец, похожий на хорька в человеческом обличье.

– Вот она! – рявкнул красномордый, брызгая слюной, и, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, бросился к Эрин, выхватив нож.

Я с детства не люблю грубиянов. Их вульгарная бесцеремонность и мнение, что можно переть без спросу, всегда утомляют и раздражают. В данном случае я был хозяином этого купе и сам решал, кто будет здесь моим гостем, а кто вылетит отсюда.

Я без всяких экивоков ткнул тростью в живот ворвавшегося мужлана. Тот, не ожидавший от меня столь решительных действий, охнул, согнулся, схватившись за болезненное место и округлил и без того выпученные глаза. Мне показалось, что этого мало для того, чтобы он запомнил простую истину – в дверь чужой собственности требуется стучать, поэтому я ударил наглеца серебряным набалдашником по шее, и тот рухнул на пол с достаточно ощутимым грохотом.

Находящийся в дверях жвилья взял быка за рога, выхватив пистолет и направив его мне в лицо. Прищуренные, карие, холодные, как у змеи, глаза, напряженный палец на спусковом крючке, темное восьмигранное дуло в пяти шагах от меня – чтобы все это увидеть, мне хватило доли секунды. Сработал не мозг, а мои, оставшиеся от предков инстинкты – я принял Облик, отпрянул в сторону, и в этот момент грохнул выстрел.

Электрическая пуля ярко-голубой молнией ударила в стекло, разбив его на сотни мелких осколков, и ворвавшийся ветер подхватил оранжевые занавески. Человек наугад повел дулом, надеясь зацепить меня, но я уже был рядом, рубанул тростью по его руке, пистолет подскочил, и пуля проделала в потолке дыру с рваными краями.

Я швырнул трость, словно копье, в третьего, вновь стал самим-собой, схватил стрелка за грудки и выкинул в окно вместе с револьвером и изумленным воплем. Меня несколько не смутило, что внешне парень выглядел несколько тяжелее и массивнее меня. Все-таки лучеры чуть сильнее людей, так что в моем поступке не было ничего экстраординарного. Надеюсь, что жвилья влетит головой в какое-нибудь дерево, благо мы как раз на полной скорости неслись через лес.

Третий из этой компании – тот самый не понравившийся мне усатый хорек, решил, что отправляться в окно ему слишком не хочется, и бросился от меня прочь, прижимая к груди левую, поврежденную брошенной в него тростью, руку. Не знаю почему, наверное, исключительно из-за желания отвесить тумака по его костлявому задку, я рванулся следом, на ходу подхватывая Стэфана.

Нагнал я беглеца в соседнем вагоне и тут же отпрянул назад, заметив у него в руке обмотанный медной проволокой револьвер с мерцающим барабаном. В этот миг мимо меня пролетела синяя молния, продырявив дверь тамбура, словно та была из бумаги. И сразу же за ней – вторая. Я отступил подальше и оказался прав. Следующие две пули оставили два рваных отверстия там, где я только что прижимался к стене.

Эти новомодные электрические пугачи – та еще дрянь. Хуже них лишь магнитные винтовки с рельсовыми стволами, совсем недавно поступившие на вооружение Князя. Мой приятель Талер, человек знающий оружие не понаслышке, говорит, что новые стрелялки совсем скоро причинят нам всем массу неудобств. На мой взгляд – они уже причиняют. Вот прямо здесь и сейчас.

Я не забывал считать, и когда мимо просвистел шестой росчерк, а затем раздался сухой щелчок, выскочил в коридор, желая свернуть человеку шею, прежде, чем он поменяет барабан с патронами, но тот меня опередил. Он провел дулом разряженного пистолета по полу, рисуя на ковре черную черту.

– Стой! – заорал Стэфан, но я уже грудью наткнулся на невидимую стену и, отлетев назад, упал на бок.

Меня накрыла волна тошноты, я справился с ней, вскочил, рассерженно тряс головой, но незадачливого убийцы уже и след простыл, лишь хлопнула дверь тамбура.

– Кому говорил «стой»! – рассерженно рычал амнис. – Совсем ослеп, мальчик! Темное начало нарисовано на полу! Такого, как ты, это может и убить! Хорошо, что он не успел начертить знак полностью, иначе ты бы изжарился!

– И без тебя знаю! – огрызнулся я, все еще ошеломленный тем, что столкнулся с одним из изначальных магов и раздосадованный, что эта сволочь умудрилась сбежать.

Я с мрачным видом посмотрел на черные полосы, испортившие прекрасный магарский ковер. Незаконченный лотос и цапля, вписанная в многоугольник – точно такая же печать Изначального огня, правда горящая, когда-то лишила меня свободы на долгие годы.

Я поднял с пола свою шляпу, на ходу отряхнул испачканную тулью, водрузил себе на голову и поспешил назад. С этой глупой погоней я непростительно забыл об Эрин.

В моем вагоне из соседних купе выглядывали испуганные, побледневшие пассажиры, все спрашивали друг у друга, что произошло и почему стреляли. Кондуктор-мяурр со вздыбленной шерстью и выпущенными когтями, пытался их успокоить. Мне он тихо сказал:

– Простите, чэр, но на станции придется вызвать жандармов.

Я остался бесстрастен. Заглянул в свое купе. Красотка Эрин пропала, а красномордый здоровяк лежал с воткнутым ему в сердце стилетом.

Глава 3

Центральный вокзал

– Сегодня не твой день. Один идиотский поступок за другим.
– Ты злишься потому, что тебе не дали выспаться? – я чувствовал раздражение от всего случившегося.

– Нет! Я злюсь исключительно из-за того, что ни один из этих криворуких господ тебя не убил! Иначе я бы давно уже обрел свободу и не торчал здесь с таким...

– Осторожнее, амнис! – в моем голосе появилась сталь. – Я не в настроении.

– Извини... хозяин, – тут же сбавил тон Стэфан. – Но разве ты не видел, что девушка та еще штучка?

– Видел. Если она невеста, а те грубые ребята – женихи, то мне становится страшно за таинство брака.

Нападение, попытка убийства, стрельба, маг и убийство, и это все за неполных десять минут. Таинственная Эрин появилась и тут же исчезла, оставив после себя труп одного из своих преследователей. Кто она на самом деле? Чего хотела? От кого убегала? Кто на нее напал? И почему она так внезапно ушла?

Можно строить догадки до бесконечности, но все они – песчаные замки на морском берегу. Ответов я все равно не получу. Лучшим вариантом было бы забыть это маленькое дорожное приключение как можно скорее. Выкинуть из головы всю случившуюся суету, как жвилья через окно.

Но у меня не слишком получалось. Во-первых, я по природе своей любопытен. Во-вторых, крошка Эрин привлекла мое внимание. Она была интересной. Казалось, в этой девушке есть что-то такое... живое, что ли? Да, пожалуй, именно это слово. Рядом с ней впервые за семь с половиной лет я почувствовал, что пробуждаюсь и становлюсь прежним собой. Тилем эр'Картия. Таким, каким его знали до событий, случившихся на вилле «Черный журавль».

Эрин, таинственная девушка с карминовыми губами, была слишком непохожа на Клариссу и дам из высшего света. И, признаться честно, мне бы хотелось увидеть ее еще раз.

Я достал часы, покачал их на цепочке перед глазами, глядя на гравировку на крышке.

«Тилу, в которого я всегда верил, несмотря ни на что.

Дядя».

Порой я чувствую себя большим подлецом. Я принял подарок, но так и не нашел в себе сил прийти и извиниться перед ним за те слова, что сказал ему после того, как славный судья Дикстоун огласил решение Палаты Семи.

Откинув крышку, я посмотрел на стрелки. Никогда не опаздывающий «Девятый Скорый» впервые за свою историю задерживался на несколько часов.

После случившегося, паровоз остановился на первой крупной станции – Лайльеге, и за дело принялись господа из Скваген-жольца. Перво-наперво они все оцепили, провели тщательную проверку, но Эрин и усатого мага и след простыл. Оставалось лишь предполагать, как им удалось покинуть несущийся на всех парах поезд.

Синие мундиры допрашивали пассажиров, в том числе и меня. На мое счастье, кондуктор подтвердил, что я всего лишь жертва обстоятельств и не причастен к убийству того господина. Пока поезд стоял, рабочие со станции успели поменять стекло в моем купе, убрали труп, вынесли окровавленный ковер. Машинист ка-га шипел и плевался кипятком почище парового котла.

– Возмутительно! – верещал он, подпрыгивая перед жандармом и явно считая, что это действие придаст ему значительности. – Такая задержка! Дайте! Дайте справку с печатью, иначе профсоюз оторвет мне голову!

Стэфан тихонько фыркнул, возвращая меня к действительности.

– Что? – не понял я, перестав смотреть в окно.

– Тот жвиля. Его глаза. Клянусь Всеединым, они были крайне изумленными, когда ты принял Облик. Он явно не ожидал от тебя ничего подобного, мой мальчик.

Надо думать. Каждого жителя Рапгара с самого детства учат одному простому правилу – по возможности не задирайте лучэров с красными и янтарными глазами. Это старая кровь, сохранившая в себе память предков и, в отличие от остальных Детей Мух,¹⁸ способная использовать и Облик, и Атрибут. Лишь Всеединый знает, кем они станут, когда вы нападете, и что они с вами сделают.

Все остальные чэры – свежая кровь, дети лучэров и людей, утратили древнее знание. И с ними можно уже не быть настолько вежливыми.

Мои глаза не алые и не желтые – они пепельные, но кровь моего отца оказалась сильна. У меня есть мой Облик и есть Атрибут. Конечно, им далеко до того, что имеется у Данте или того же Князя, но порой и этого достаточно, чтобы выиграть схватку. К примеру, в такой день, как сегодня.

Я выглянул в окно.

Мы уже проехали окраины Рапагара и Вольный город и теперь, миновав разветвление железнодорожной колеи, уходящей налево, к туннелю, проложенному под Холмами, приближались к вокзалу.

Рапгар, это огромное чудовище, раскинувшееся на двух берегах морского фьорда и окрестных островах, западной оконечностью упирающееся в пресноводное озеро Мэллавэн, выростал из-за горизонта бесконечными домами, дорогами, постройками и трубами далеких заводов и фабрик. Наш славный город – это одна большая братская могила мертвых, не совсем мертвых, не слишком живых и тех, кто делает вид, что он жив.

Он притягивает и отвращает одновременно. Столица страны многогранна, словно раздавленный калейдоскоп, из которого высыпались разноцветные стеклышки – зеленые, синие, красные и черные. Все вперемешку. Здесь можно найти настоящее сокровище и смрадный мусор, уютный уголок и отвратительную ночлежку, отыскать друга и обрести массу врагов, начать новую жизнь или же распрощаться с ней навсегда. Рапгар – страна множества рас, королевство богачей, царство нищих, мир пара и электричества, пропахший гарью, порохом, испражнениями скангеров, утонченными духами, свежим морским бризом, Королевством мертвых и персиковыми садами.

Районы Иных, плотно застроенные, с теснящимися друг к другу домами, темными крышами, серыми стенами, высокими шпилями старой застройки тянулись по обе стороны от железной дороги. Здесь, как всегда, царило оживление и сутолока. Люди и нелюди спешили по своим делам, торговали и заключали сделки. Наперегонки с поездом отправились несколько фиосс. Судя по бледным полоскам на брюшках – совсем еще дети, каким-то чудом умудрившиеся вырваться из-под назойливой опеки родного роя.

Пузатый молодняк, весело жужжа, летел рядом с моим вагоном. Один из них, заметил, что я наблюдаю за этой гонкой, помахал мне черной лапой и растянул зубастую пасть, что означало дружелюбную улыбку. Я помахал в ответ, и он, довольный вниманием, поднажал еще сильнее, надеясь если и не обогнать паровоз, то хотя бы позлить машиниста ка-га.

¹⁸ Дети Мух – одно из уничижительных прозвищ лучэров. В древних рукописях писали, что лучэры произошли от вырвавшейся из Изначального пламени огненной мухи (хотя это и не так).

Они отстали от «Девятого скорого», лишь когда начался университетский район Маркалыштука – ухоженный, с подстриженными газонами и золотыми парковыми рощами – прекрасный оазис среди диколесья южных районов Рапгара. Гордость университета – огромная обсерватория, купол которой в хорошую погоду был виден даже с противоположного берега, – на секунду закрыла собой половину неба, а затем сгнула, уступив свое место университетским корпусам.

– Ты хотя бы осознал, что тебя могли убить? – нарушил молчание Стэфан.

Я хотел ему ответить, что как-то поздно трепыхаться по поводу собственной смерти, но решил не раздражать по пустому.

– Внимание жандармов тебе ни к чему, – продолжал давить амнис.

– Перестань! – отмахнулся я от него. – Ничто в этом мире не способно испортить мою репутацию. Нечего уже портить.

Поезд тем временем выехал на мост Разбитых надежд – самый длинный и высокий в Рапгаре. Он соединял южный берег с Сердцем – крупным островом, который был связан с другими, более мелкими островами и северным берегом. Висячий мост построили почти двадцать лет назад, и тогда никто не верил, что это огромное стальное сооружение длиной почти в полторы мили, с уходящими в воду опорами, взлетающими на недостижимую высоту алыми крыльями и натянутыми стальными тросами, горящее ночью электрическим светом – простоит хотя бы день. Но он выдержал, несмотря на то, что до сих пор казался многим слишком изящным, хрупким и воздушным.

Кроме железной дороги по мосту проходила и обычная – для экипажей и пешеходов. Предприимчивые ка-га обо всем позаботились и постоянно тянули плату из города за право пользования своим детищем. Уже пару раз случались ситуации, когда мэр пытался протаскать в Городском совете предложение о национализации важного для города объекта. Но Глас Иных и забастовки ка-га, а также недовольные акционеры из числа уважаемых жителей Рапгара на корню пресекали эти попытки градоначальника перевести денежный поток в свои руки.

Впрочем, мост Разбитых надежд так назывался не потому, что он не рухнул в первый же час после завершения строительства, на чем букмекеры потеряли кучу наличности. И не оттого, что у мэра так и не получилось взять власть над этой золотой жилой. Просто последние двадцать лет прыжок с моста – самый излюбленный способ расстаться с жизнью.

Сюда приходят все – проигравшиеся в Яме, несчастные влюбленные, лишённые гражданства, потерявшие работу, расставшиеся со всеми надеждами и просто уставшие от сумасшествия нашего мира.

Четыре с небольшим секунды свободного падения, и покойника, если тому повезет попасть в течение и всплыть, через несколько дней баграми вытаскивают из воды лодочники или жандармы. Или же, если они не поспешили, набежавшие скангеры или выползший из темной норы тру-тру, оприходуют несвежее мясо по-своему. Падалыщики и людоеды чувствуют мертвых гораздо лучше, чем живые.

Далеко на западе, в голубоватой дымке виднелась широкая, серая, ребристая полоса – дамба дыюгоней, отделяющая огромное озеро Мэллавэн от фьорда, вода в котором была чем дальше от преграды, тем солонее. Перед дамбой раскинулся низкий, застроенный домами длинный остров. Я бы на месте жителей его районов – Паутинки, Хвоста и Гетто Два Окна – нервничал. Чуть ли не каждый год газеты писали, что по всем математическим расчетам выстроенная дыюгонями плотина не выдержит напора воды и зальет Рапгар по крыши. Если такое случится, то Паутинка и иже с нею утонут первыми в течение нескольких минут.

Правее от дамбы располагались самые грязные заводские и фабричные районы. Очаровательная четверка: Пепелок, Дымок, Сажа и Копоть. Я в жизни там не был и надеюсь, что никогда не попаду, так как у меня нет запасных легких.

Многочисленные трубы предприятий, работающих на благо города и страны, пачкали небо бесконечными столбами дыма самых странных и нелепых цветов, вплоть до алого и зеленого. При ясной погоде, когда начинался закат, из-за этих выбросов в воздух солнце окрашивалось во все оттенки радуги, а его лучи создавали и вовсе невиданные оптические эффекты. Боюсь, таких перемешанных палитр не мог бы изобрести даже воспаленный мозг лунатика, который обожрался наркотика мяурров.

На счастье жителей Рапгара, роза ветров, властвующая над городом, была такова, что весь дым сносило на запад, на озерный край и начинавшиеся за ним леса. В противном случае, вся столица давно бы успела зарастить сажей и провонять вплоть до старых катакомб.

Мы миновали мост, под которым спокойно проплывали корабли, и въехали в Сердце – деловой центр Рапгара, пристанище крупных банков, представительств компаний, посольств, магазинов, Академии доблести и Скваген-жольца. Дома здесь были не в пример выше, красивее и чище тех, что остались на южном берегу, а улицы широки и просторны.

Поезд начал замедлять ход, миновал небольшой туннель, проложенный над проспектом, где располагался любимый ресторан Данте, и не прошло и двух минут, как мы оказались на Центральном вокзале.

Вагон остановился у перрона, я встал и уже собирался покинуть купе, когда мое внимание привлек маленький желтый лоскуток, торчащий между спинкой и кожаной подушкой дивана, на котором недавно сидела Эрин.

– Что это? – нахмурился я, подошел поближе, и в руках у меня оказался женский шелковый платок.

Он был канареечно-шафранным, с витиеватыми оранжевыми разводами и едва уловимо пах духами Эрин – красный мандарин, ваниль и свежесрезанные цветы.

– Забыла, когда убегала в спешке? – высказал предположение Стэфан.

– Тогда бы он просто лежал на сиденье. Или на полу. Нет. Она его спрятала. Разве не видишь?

– Вижу. Но не понимаю. Что ценного в обычном, пускай и шелковом платке?

– Если бы я знал. Но Эрин, похоже, опасалась держать его при себе. – Я посмотрел ткань на свет, но ничего интересного не нашел, немного подумал и убрал вещь в карман брюк.

– Что ты делаешь? – тут же забеспокоился амнис.

– То, что считаю нужным. Здесь он точно пропадет. Возможно, мне когда-нибудь представится возможность встретиться с ней еще раз.

– Глазам своим не верю! – если бы у Стэфана были руки, он бы ими непременно всплеснул. – Ты решил, что не стоит забывать эту смазливую убийцу!

– Ну, здесь, положим, надо разобраться, – неохотно ответил я, направляясь к выходу. – Ее стилет в груди того жмурика еще ничего не значит.

Я распрощался с поклонившимся кондуктором и неспешно пошел по перрону, стараясь избегать суতোлки, устроенной пассажирами, и носильщиков с телегами, нагруженными чемоданами, коробками и корзинами.

К запаху смолы от шпал здесь примешивались ароматы ванили, корицы и сдобы. Чуть дальше, прямо на перроне, мальчишка из народа кохеттов торговал булочками.

Десять платформ вокзала были накрыты застекленным куполом, сквозь который проникал дневной свет. Под куполом мелькали крылатые тени – голуби и носящиеся по делам и поручениям фиоссы. Они благоразумно не залетали в основное здание вокзала, не желая сталкиваться со своими вечными врагами – хаппопелмами. У двух этих рас были стародавние счеты, и, зная некоторую вспыльчивость хапл, поведение фиосс можно было назвать очень здравомыслящим.

– Не люблю этот вокзал, – между тем ворчал Стэфан. – На месте прекрасного дубового парка и фонтанов Городской совет выстроил это убожество, сделанное из стекла, кирпичей

и стали. Теперь оно смотрится, как какая-то язва на Сердце. Чем политикам не угодила прежняя стоянка паровозов?!

– Не приукрашивай, – попросил я его. – Старый вокзал очень давно не справлялся с людским потоком. Хорошо, что построили новый.

– Тебе же хуже. Теперь приходится добираться до дома через половину города.

Возле паровоза я стал свидетелем безобразной драки между тремя ка-га. Двое чиновников с золотыми цепями членов профсоюза, сопя, мутузили вопящего и размахивающего справкой машиниста опоздавшего поезда.

Ка-га похожи на толстых, объевшихся кротов, которые не смогли проглотить большую морковку и теперь она торчит у них из пасти. Эти ребята ростом чуть выше моего пояса, приземистые, с лоснящейся, покрытой складками, черной шерстью, с широченными розовыми руками, маленькими пороссячьими глазками и длиннющим носом, который как раз и похож на морковку.

– Я тебе такую справку покажу! – пискляво вопил один из чиновников, пытаясь пнуть машиниста короткой ножкой. – Репутация всей железной дороги мяурру под хвост! Акции компании упали на четырнадцать пунктов!

Машинист, понимая, что бумажкой с печатью делу не поможешь, ловко саданул представителя компании «Железные дороги Рапгара» по носу.

– Ах, вот ты как?! – взвизгнул тот, и началась форменная свалка.

Вокруг стали собираться зеваки, подбадривая драчунов выкриками и смехом. Дерущиеся ка-га – зрелище довольно забавное. Несколько фиосс, оставив дела, сели на окрестные фонари, решив насладиться бесплатным представлением. Какой-то человек с карандашом, как видно журналист одной из газет, строчил в блокноте, в красках описывая драку.

Я вошел в зал ожидания вокзала, где на огненном табло горели данные обо всех отправляющихся сегодня поездах. Людей и нелюдей здесь тоже было достаточно, но, по счастью, обошлось без толчеи.

Привычно подняв взгляд к куполообразному потолку, я увидел двух хаппопелм, находящихся на службе у Скваген-жольца и патрулирующих вокзал. Эти прекрасные создания – лучший гарант отсутствия преступлений. Ни один карманник, вор и убийца не решится заниматься своим ремеслом под множеством глаз огромных пауков.

Мне показалось, что одна из хапл смотрит на меня. Вот уж кого не люблю, так это жителей Паутинки, даже, несмотря на то, что это лучшие солдаты в гвардии Князя. Хаппопелмы – крайне агрессивные и жестокие существа. А когда над тобой нависает озверевший паук восьми футов в высоту и четырнадцати футов в длину, с огромными жвалами и скоростью, в три раза превосходящую скорость охотящегося мяурра (а это о чем-то, да говорит!), – надо быть начеку.

Впрочем, следует отдать должное – хаплы редко нападают первыми, конечно, если ты не являешься представителем народа фиосс или кровососов завью. Пауки не любят летающих существ.

– Осторожно! – поспешно сказал Стэфан, и через секунду передо мной уже находилась спустившаяся с потолка хаппопелма.

Огромная головогрудь с четырьмя большими, мохнатыми, суставчатыми лапами, маленькое пузатое брюшко, две пары коротких проворных «ручек» с двумя когтистыми пальцами и очень внушительные хелицеры и педипальпы,¹⁹ каждая из которых заканчивалась острым ядовитым когтем. Вся хапла, а, судя по насыщенному кобальтовому цвету, это оказалась самка, была покрыта толстым слоем волосков, очень похожих на шелковистую шерсть.

¹⁹ Хелицеры – первая пара ротовых придатков паукообразных, иначе называемая верхними челюстями и челюстными усиками, тогда как вторая пара называется педипальпами, нижними челюстями, или максиллами.

В общем – очаровательное зрелище, особенно для неподготовленных умов. Даже если заглянуть в каждый из шести блестящих агатовых глаз, никогда не поймешь, что на уме у этого существа. Оставалось лишь надеяться, что тебя не перепутали с мухой.

Она раскрыла страшные жвалы, и я услышал:

– Чэр эр’Картиа? – тихий шелест исходил из ее утробы.

– Совершенно верно, – сказал я, глядя ей прямо в «лицо».

В общении с сотрудниками Скваген-жольца до поры до времени следует сохранять вежливость.

– Следуйте за мной... Пожалуйста.

Решив, что этого достаточно, она развернулась на месте и с изяществом трамвая поперла вперед, заставляя посетителей вокзала пошевеливаться и расходиться в стороны, уступая дорогу.

Мне не оставалось ничего иного, как идти следом, хотя, конечно, можно было спросить, в чем дело и куда меня ведут. Но проще и быстрее дойти, чем пытаться препираться с кобальтовой красавицей. Я не слишком-то спешил, и хаплопелма сбавила прыть, приноравливаясь к моей походке.

Мы прошли весь зал насквозь и оказались на улице, напротив большой площади Сумок. Здесь меня ждал старший инспектор Фарбо. Он несколько не изменился за годы, что мы не виделись. Все те же широченные плечи, едва помещающиеся в дешевый полосатый пиджак, бульдожья морда, заросшая редкой рыжеватой щетиной, и пронизательные голубые глаза, сверкающие из-под полей надвинутой на лоб шляпы.

– Старший инспектор, – холодно приветствовал я его, не сочтя нужным касаться шляпы. – Какая честь.

– Чэр эр’Картиа, – прогудел Фарбо. – Доброго дня. Простите, что пришлось искать с вами разговора столь оригинальным способом. Я боялся, что вы воспользуетесь другим выходом, и мы с вами разминемся.

Я сделал вид, что поверил в эту чушь. Цепной пес Скваген-жольца вполне мог встретить меня возле поезда, раз уж ему так хотелось побеседовать. Для этого ровным счетом ни к чему было отлавливать меня с помощью хаплопелмы. Фарбо знал, что делал – не упустил возможности мне досадить, к тому же его, в отличие от паучихи, я мог бы и проигнорировать.

– Благодарю вас, офицер, – сказал он, отпуская хаплу, и та бесшумно скрылась в здании вокзала.

Эдакое чудовище на службе порядка и закона Рапгара.

– Не желаете пройтись? – старший инспектор приглашающим жестом указал в сторону площади.

Фарбо старался показать свою любезность, но и я, и он, знали, что друг друга нам обмануть не удастся.

– К сожалению, у меня нет на это времени, – сказал я. – Если вас что-то интересует, то я предпочел бы разобраться с этим как можно скорее.

– Ну, что же, – не стал спорить инспектор и вытащил потрепанный блокнот. – Давайте здесь, раз вас это не смущает. Наши сотрудники успели передать сообщение в Скваген-жольц о случившемся в «Девятом скором». Как я понял, вы были свидетелем произошедшего. И в вас, кажется, даже... – Фарбо заглянул в блокнот, – стреляли.

– Совершенно верно.

– Хотелось уточнить – именно поэтому вы убили одного из нападавших?

Я посмотрел в его хитрые глаза и улыбнулся:

– Нет. Такого не было. Думаю, свидетели подтвердят мои слова.

– Конечно, – он что-то зачеркнул. – Но стоит решить все неясности и недомолвки сразу. Прежде, чем газеты разнесут эту информацию по городу. Преступление слишком громкое,

чтобы мы могли его скрыть. У вас есть какие-нибудь заявления, чэр? Быть может, что-нибудь еще вспомнили?

– Увы, нет. Всю надлежащую информацию я оставил жандармам.

– Жаль, – он захлопнул блокнот, убрал его во внутренний карман пиджака. – Ну что же – не смею вас больше задерживать.

Я, не прощаясь, пошел своей дорогой, но инспектор меня тут же окликнул:

– Чэр, эр’Картиа. Откуда вы приехали?

– Это имеет значение? – надменно поинтересовался я, размышляя, почему он вдруг решил проявить такой интерес.

– К случившемуся в поезде? Нет. Просто, для отчета.

– Был на охоте в поместье Зинтринов.

– То есть прошлую ночь вас не было в Рапгаре?

– Верно, – я прищурился. – Станный вопрос.

– О! Ничего странного, – человек натужно и неестественно рассмеялся. – Просто стараюсь понять картину целиком.

Фарбо врал, меня это, разумеется, насторожило, но узнать я все равно ничего не мог. Этот старший инспектор, несмотря на кажущуюся доброжелательность, гораздо хуже своего более резкого приятеля – Грея.

– Мы обещаем разобраться с этим делом. Синий отдел Скваген-жольца взял его под свою опеку.

– Отрадно слышать. Значит, настоящий преступник окажется в ваших руках совсем скоро.

Я специально выделил слово «настоящий», и его лицо стало уже не таким улыбчивым. Никто, даже такая хитрая, черствая гадина, как Фарбо, не любит, чтобы ему тыкали в нос ошибками прошлого.

Особенно, если они дурно пахнут.

Глава 4

Дом на улице Гиацинтов

– Мне не нравится эта встреча, – сказал Стэфан, когда я пересекал площадь Сумок. – Он не случайно здесь оказался.

– Знаю, – мрачно ответил я, пропуская двух прогуливающихся дам с зонтиками от солнца. – Я считал, что Фарбо вместе с Греем. А его интерес, и правда, не случаен. Постараюсь узнать у Влада, что к чему.

– Так он тебе и расскажет.

– Ну, он все еще чувствует свою вину за то, что сделал. Так что я бесцеремонно собираюсь этим воспользоваться, – сказал я, рассматривая свои руки в кожаных перчатках.

– Хотелось бы мне взглянуть на то, как ты выбиваешь информацию из палача Скваген-жольца! – рассмеялся амнис.

На небе появились тучки, но людей на площади оставалось достаточно. Все магазины работали допоздна, кафетерии были открыты, и ни одного свободного столика в округе не виделось. Площадь Сумок, хоть и была привокзальной, пользовалась у горожан популярностью.

Жители Рапгара что-то горячо обсуждали, спорили, пили кофе, глазели на высокое терракотовое здание с тремя шпилями, возвышавшееся над всем Сердцем. Несмотря на то, что Скваген-жольц, берлога жандармерии, был на противоположной стороне острова – казалось, что до него каких-то двести-триста футов.

– Ночной Мясник! Уже третья жертва! Город в опасности! – кричали разносчики газет. – Новый специальный выпуск «Срочных новостей»! Интервью со старшим инспектором Греем!

Газеты пользовались спросом, и не проходило полминуты, чтобы кто-нибудь из прохожих не покупал номера, сляпанного на скорую руку на некачественной желтой бумаге.

Довольно большая толпа собралась у фонтана, изображающего первого Князя, молотом выбивающего живительный источник жизни из земли. Там ораторствовал очередной, Всеединный знает какой по счету, пророк нашего несчастного, раздираемого противоречиями города. Он начал нести чушь меньше минуты назад, но послушать его уже хотели все желающие, потому что долго ему поговорить не дадут – за жандармами даже посылать не надо, сами скоро будут. Представителей секты Свидетелей крови, а парень, судя по багряным одеждам, был как раз из них, Скваген-жольц не жалуется.

Секта ратует за отмену власти лучэров и Князя над страной и передачу правления людям, как более чистой и не запятнавшей себя крови. Всех остальных, непохожих на них, предлагалось понизить в правах и лишить гражданства. Свидетели с удовольствием хлебали замешанный на политике бульон большой ложкой расовой нетерпимости и расплескивали его на всех желающих. Обычно раз в квартал серый отдел Скваген-жольца устраивал облаву и чистку, отправляя состоящих в секте за решетку, но спустя какое-то время появлялись новые фанатики. Этот яд нельзя было вытравить никаким способом. Разве что поймать лидера оппозиции, даму, скрывающуюся за прозвищем Багряная леди, но жандармам и шпионам уже пять лет не везет напасть на ее след.

– Когда мир был юн, пришли они из Изначального огня! И были их глаза красны, а деяния безумны, и подчинили темные твари всех разумных существ на земле, управляя демонами, амнисами и другими чудовищами!

Я заметил в толпе еще нескольких фанатиков – их легко определить по безумному взгляду и той гадливости, когда они смотрят на тебя или на представителя любой другой расы, отличающейся от человеческой.

– Властвуя тысячи лет, наводя жестокий порядок, убивая всех, кто был против них, темные твари сковали этот мир оковами рабства! А затем ушли обратно в Изначальное пламя и слились с ним в единое целое, оставив властвовать после себя своих потомков – мерзких, неугодных Всеединому лучэров!

Угу. Как же. С учетом того, что темные твари и Всеединый – одно и то же лицо, и создал он не только лучэров, но и всех остальных – история, рассказанная парнем в багряном, выглядит ужасно смешной.

– Он наделил их Обликами и Атрибутами, чтобы с их помощью они управляли нами и считали всех своими рабами!

Многие в толпе загомонили, закричали, замахали руками, засвистели и заулюлюкали, не согласные с этими словами. Кто-то предложил залезть на фонтан, стянуть оттуда психа и как следует его проучить. Но другие на них зашикали, желая послушать, что тот скажет дальше. Впрочем, были и такие, пускай и в меньшем количестве, кто согласно кивал, поддерживая оратора.

– Но приходит рассвет! Рассвет эры людей! И солнце свободы, по имени Багряная леди, указало путь всем ненавидящим Детей Мух гражданам! Настанет час, когда мы возьмемся за оружие и столкнем старую власть и всех, кто поддерживает ее, в Изначальное пламя! Князь и те, кто протягивают ему руку, дают истинную, чистую кровь людей! Грядет! Грядет новая война с мирным и дружественным Малозаном за черную земную жижу, оставшуюся от темных тварей! А кто будет гибнуть на земле Кируса за власть потомков чудовищ? Лучэры? Нет! Мы! Люди!

Угу. Люди. Но в первую очередь мяурры и хаппелмы – они всегда в наших передовых отрядах. И не тебе, любезный господин, говорить о том, что лучэры прячутся за чужими спинами. Этого никогда не было и не будет! Мы такие же граждане Рапгара, как и все остальные.

Я решительно начал протискиваться через толпу, чтобы снять этого урода и совершенно не по-чэровски затеять грязную уличную драку.

Он, словно почувствовав это, протянул руку в мою сторону и заорал, брызгая слюной:

– Ты! Благородный чэр! Твой отец, словно завью, пил кровь из трудового народа! Он такой же ублюдок и чудовище, как ты!

Не важно, кем был мой отец. Важно, каким я его помню. И он не был похож на чудовище. Я хотел сказать это безумцу, когда буду ломать его кости, но в этот момент подоспели запоздавшие синие мундиры, сделавшие за меня всю черную работу.

Разумеется, сторонники сектанта пытались им помешать, но пущенные в ход дубинки успокоили самых активных. Я заметил, что один из фанатиков в толпе держит руки в карманах, и сквозь ткань его одежды тускло просвечивает голубой свет. Готов поставить четверть своего состояния, что там револьвер с электрическими пулями.

Так и оказалось. Когда он выхватил оружие, я уже был рядом и с удовольствием воспользовался тростью, выместив на нем свое дурное настроение и ногой отбросив оружие подальше. На помощь незадачливому стрелку подбежал другой участник секты, но его скрутило зелеными жгутами и что есть сил несколько раз ударило о брусчатку.

Я снял шляпу и благодарно кивнул мужчине в черном мундире с золотыми эполетами – военному магу из Академии Доблести. Офицер также ответил мне кивком.

С другой стороны площади раздалась выстрелы – кто-то из сектантов пытался скрыться и заставить жандармов оставить погоню. В поднявшейся суматохе он едва не улизнул, но его в три удара сердца догнала выглянувшая из вокзала на шум кобальтовая хаппелма. Беглецу удалось попасть в нее, но это не смутило сотрудника Скаваген-жольца. Прыжок, укус, и идиот забился в судорогах.

– Яд? – поинтересовался я.

– Не думаю, чэр. Разве что он ее очень разозлил. Скорее всего парализовала, – сказал маг в черном мундире. – Пойду, посмотрю ее рану. Было приятно иметь с вами дело.

– Удачного дня, – пожелал я, отправляясь своей дорогой и давая возможность остальным зевакам насладиться зрелищем и пообсуждать проворство паука.

– Не знаю, на что они рассчитывают, давая каждый раз такое представление, – проворчал я, выходя на прямую улицы Катафалков. – Такое впечатление, что резервы Багряной леди безграничны.

– Лучше пусть проповедуют, чем взрывают, – не согласился со мной Стэфан. – Впрочем, эти люди, в отличие от секты Детей Чистоты, не так безобидны. И рано или поздно они дойдут до чего-нибудь более серьезного.

– Они уже совершали политические убийства. Хорошо, что серые мундиры Скваген-жольца смогли накрыть ту ячейку.

– Слишком поздно, на мой взгляд – многих то все равно убили. Ты решил идти домой пешком?

– Нет. Хочу взять коляску на противоположном конце улицы.

– Ну, слава Всединому, что не трамвай. Я бы на твоём месте не слишком спешил в родную обитель.

– Почему? – удивился я, рассматривая в витрине горшки с цветами из дальних колоний.

– Анхель должна быть в ярости, что ты не взял ее с собой. Если она только узнает о твоих приключениях...

– Не узнает. Если, конечно, ты не расскажешь.

– Я-то не расскажу. Но она узнает. И будет в ярости.

Я расстроено цокнул языком.

– Что же. Приложу все усилия, чтобы помириться с ней как можно быстрее.

– Было бы очень хорошо, если бы ты так сделал. Потому что в твоей беспечности, как всегда, обвинят меня.

У одного из домов я увидел представителей маленького народца. Рыжие и очень чумазые малыш и малыш, обряженные в конфетные фантики и сшитые из газет башмачки, пели песенку, прося подавание:

– Во-о-от идет хаппелма по горо-о-о-ду. Охотится-а-а на фио-осс, – тоненьким голоском пела крошка, трогательно сложив ручки.

– Думала, что мухи! – подхватил ее партнер.

– И во-во-о-от она на-апала на большой трымывай! И съе-ела его-о-о!

– Думала, что муха! – уточнил малыш.

– А в трымывае еха-ал пи-икли-и-и! И ужалил хаппелму мо-о-олнией!

– Думаал, что муха!

– А хаппелма поду-умала, что это муха то-о-о-же!

В маленькой шляпе совсем не было денег, что и не удивительно, если учесть их репертуар и тихие голоса. Я бросил туда один трестон, чем вызвал целую бурю восторга и писков, которые не прекращались, пока я не свернул за угол.

Дорога в коляске с поднимающимся верхом, запряженной парой лошадей, заняла у меня минут сорок. Проехав Сердце насквозь по мосту Бунтарей, экипаж перебрался на остров Пустоголовых, а уже с него на северную, материковую часть Рапгара.

Мой дом расположен в южной части района, который называется Олл. Улица Гиацинтов – это замечательное тихое место, территория частных домов и особняков, окруженная множеством вязов и практически изолированная от той суматошной и безумной жизни, что властвует в более многолюдных частях Рапгара. Олл – маленький островок в штормовом океане. Жить здесь удобно, приятно и в большей степени легко.

Разумеется, это не Золотые поля, элитное местечко наших небожителей: прославленных офицеров, известных звезд оперы и театра, святых клириков, успешных магнатов, ярких политиков, игроков на бирже, ловких дельцов, счастливых наследников и всех тех, кто смог дотянуться до удачи, схватить ее и удержать при себе, несмотря ни на что. На Золотых полях не важно кто ты – лучэр, человек, мяурр или даже скангер. Пока у тебя есть деньги и ты на коне – все двери для тебя открыты. В противном случае – добро пожаловать в реальный Рапгар, быть может, даже в трущобы, в Гетто Два Окна или вовсе на Пустыри и Ржавчину, даже если в тебе течет чистая кровь Всеедино.

Впрочем, я не помню ни одного лучэра, который бы жаловался на жизнь. Во всяком случае, в финансовом смысле этого слова.

В наследство от дражайших предков мне досталось вполне хорошее состояние, включающее в себя не только счета в банках и кое-какие синие ценные бумаги электрических компаний пикли, но и три дома, расположенные в Золотых полях, Небесах и здесь, в Олле.

Я терпеть не могу Золотые поля – в этом застойном пруде можно ощутить вселенскую скуку менее чем за час. Те, кто имеет счастье здесь существовать, несмотря на свое баснословное богатство при ближайшем изучении частенько оказываются пустоголовыми существами с желаниями, не превышающими мечты обыкновенной болонки. Их речи недалеки, стремления невысоки, а помыслы и того ниже. Так что ни за какие сокровища мира я бы не переехал в эту малонаселенную, застроенную огромными дворцами и виллами с тысячами акров лесов и полей, золоченную клетку.

Небеса – неплохой райончик. Во всяком случае, так пытается меня убедить Данте. Но мне не по нраву жить там, где вершится большая политика. Остров Туманов – не то место, где я могу ощутить комфорт. На мой взгляд, когда у тебя под боком дворец Князя и колосс Палаты Семи, а окна с одной стороны особняка смотрят на казармы гвардии, а с другой стороны на жуткий Темный уголок – землю, откуда когда-то в наш мир появился, а затем ушел обратно Всеединый, никакой спокойной жизни быть не может. Согласитесь, любезные чэры – мало приятного, когда ты становишься рабом той или иной политической обстановки.

Уж лучше залезть в бочку со взбешенными пикли, тропаясь и тру-тру, и каждому совершенно нелюбезно высказать все, что ты о нем думаешь, чем влачить существование в центре абсолютного зла – рядом с политиками.

Хотя Данте, например, нравится смотреть, как тигры дергают друг друга за усы. Он наслаждается этим зрелищем, а затем подсчитывает, скольких из них сожрали джунгли Рапгара. Последние восемьдесят лет своей жизни он считает это одним из лучших развлечений в мире, исключая, конечно, опиум, абсент и безудержные любовные связи со всякими мало-мальски разумными существами.

Мой третий дом, самый маленький из всех – всего-то два этажа – мне по нраву. Под боком прекрасный уютный парк с высокой оградой, старыми вязами, всегда подстриженными газонами и овальным прудом, в котором плавают древние зеркальные карпы, и где всегда возятся утки. В районе более-менее нормальные соседи и никаких неприятностей. Здесь жизнь больше всего похожа на сельскую. Хотя бы тишиной.

Олл – мой приют, кто бы что об этом не говорил...

Я попросил извозчика остановиться вначале улицы, расплатился с ним и, не торопясь, пошел по тенистой золотой аллее. Здесь, как обычно, было пустынно. Казалось, что вся улица погружена в вечную дрему. Лишь изредка проедет экипаж или патруль жандармов. Возле статуи, изображавшей какого-то пса, без имени, таблички или хоть какого-нибудь ориентира, по которому можно было бы понять, в честь чего она здесь стоит, я остановился, поднял с земли красноватый ребристый лист, понюхал его и улыбнулся – запах осени в этом месте всегда казался мне сильнее, чем в других частях Рапгара.

– Кажется мои слова о том, чтобы не торопиться домой, ты воспринял совершенно буквально, – проворчал Стэфан.

– С каких это пор ты стал таким домоседом? – улыбнулся я.

– Я слишком стар для путешествий. Мне гораздо приятнее на подставке из красного дерева.

– Пока меня не было, ты спал годами. Мог бы успеть отдохнуть.

– На такой работе отдыха не бывает.

Я вздохнул, разжал пальцы, и лист, подхваченный ветром, пролетев над позеленевшим бронзовым памятником, упал под деревьями.

Мой особняк расположен в самом конце улицы Гиацинтов, в двух минутах ходьбы от парка, и северо-западным концом, ограда в ограду, граничит со старым кладбищем Невинных душ. Не слишком веселое соседство, но, по крайней мере, постояльцы древних могил не тревожат мой покой, за что я им очень признателен.

Моими ближайшими живыми соседями являются полковник МакДрагдал и чэра эр’Тавиа.

Полковник раньше командовал Третьим сводным колониальным пехотным полком. Он половину жизни провел в Магаре, воевал с местными раджами в джунглях и болотах и был из тех, кто захватил Кальгару для нашего Князя. Теперь полковник давно уже на пенсии, но продолжает носить мундир со всеми наградами и каждое утро поднимает у себя на участке бело-золотой стяг Рапгара.

Мы долго не могли найти общий язык со стариканом. Он считал меня бездельником, ведущим жизнь, недостойную настоящего мужчины, так как я «не нашел в себе сил пойти служить в армию». Я, в свою очередь, видел перед собой недалекого старого солдафона, помешанного на традициях, фыркающего в седые усы, стоило ему лишь увидеть меня. У нас не было никакого желания общаться друг с другом довольно долгое время.

Все изменилось, когда я попал в то неудобное местечко, которое некоторые в шутку прозвали Обителью размышлений. Первым ко мне пришел именно полковник, совершенно чужой человек, чем сильно поразил меня. Кстати говоря, я до сих пор не знаю, чего ему стоило обратиться ко мне. Это было не просто даже для Данте, лучэра старой крови из уважаемого рода, что уж говорить о человеке?

Полковник поддержал меня в трудную минуту, когда многие друзья отвернулись и предпочли забыть обо мне.

После моего возвращения, мы опустошили с МакДрагдалом не одну бутылку кальвадоса, который он, как оказалось, любил ничуть не меньше, чем я. Во время долгих разговоров, мне довелось услышать, как пехотный батальон удерживал перевал в снежных Гримах, как гибли солдаты в душных джунглях, как вспыхнуло восстание сигов, как горел порт Кальгару, когда княжеские броненосцы входили в западную гавань, обстреливая дворец раджи из всех орудий.

Дом полковника – серый, похожий на крепость, по крышу увитый пожелтевшим плющом, с развевающимся на флагштоке полотнищем – сейчас казался пустым. МакДрагдал уже месяц гостил у племянников на юге, и мне начинало не хватать наших бесед и игры в шахматы.

Что касается чэры эр’Тавии, чей пряничный домик находился напротив моего, то эта старушенция, отметившая в прошлом году свой двухсотый день рождения, жила особняком, водя дружбу лишь с многочисленными кошками, которые каждую весну будили воплями всю округу. Про эту почтенную госпожу можно было сказать старой пословицей: любовь, в отличие от соседей, слепа. Чэра эр’Тавиа проводила все свободное время, неся дозор возле окон. Слежка за округой – ее хобби и страсть всей жизни. Вот и сейчас я разглядел ее кривоносый профиль в окне второго этажа. Как обычно снял шляпу и, как обычно, не дождался ответного

приветствия. Я совсем не обижаюсь на такое к себе отношение – в двести лет вполне прости-тельно быть несколько... эксцентричной.

Возле ворот моего особняка я встретился с кошкой. Она лежала прямо на дорожке, пере-крывая мне путь. Обычная, серая, худая, но с чистым блестящим мехом и ясными, чуть зеле-новатыми глазами. Возможно, это была питомица чэры эр'Тавии, а быть может, просто воль-ная путешественница. В таком случае – она счастливица. В Рапгаре мало бродячих животных. В «высоких» районах их поиском и отловом занимаются городские службы, а в бедных квар-талах жрут скангеры или оголодавшие тру-тру, или проводящие темные ритуалы чернокожие оганы.

Увидев меня, кошка неохотно встала, потянулась, зевнула и посмотрела мне прямо в глаза. Взгляд у нее был отнюдь не кошачий. Мне он показался слишком разумным. Так что я, ощущая, как по спине пробежали мурашки, снял шляпу, приветствуя зверька. Та благосклонно прищурилась и в несколько маленьких шажков отошла в сторону, на газон, засыпанный пожел-тевшими, шуршащими листьями, завалилась на бок, с явным намерением поспать часок-дру-гой.

У нас, лучэров есть легенда, что когда Всеединый вновь ушел в Изначальное пламя, он оставил после себя свою первую соратницу – Великую двуххвостую кошку, ту самую, которой поклоняются ее дети – мяурры, называя Лунной кошкой, чьим обликом считают луну. Так вот, поверье у моего народа очень простое: Двуххвостая ходит по миру, живет рядом с нами в образе такой вот незатейливой светло-серой мышеловки, гуляющей сама по себе. Но когда лучэр умирает, именно она провожает его душу в Изначальное пламя, где ту ожидают все радости новой жизни, родственники и Всеединый в придачу.

Не скажу, что я религиозен. Скорее наоборот – молчаливый атеист, не лезущий в чужую веру, никого не учащий как следует жить, чему поклоняться и в кого верить. Я уважаю все религиозные конфессии, даже такие многообразные, как у магаров, такие странные, как у хап-лопелм, и такие темные, как у оганов. Во всяком случае, до тех пор, пока меня не стараются обратить в чью либо веру, я остаюсь очень терпимым чэром.

Еще раз напомню – я стараюсь быть атеистом, хотя и знаю, что Изначальный огонь, Всее-диный и прочая, о чем говорят святые отцы во время воскресных месс – правда. Но вот в Дву-хвостую верю беззаговорочно, даже в наш безумный век прогресса, железных дорог, электри-чества и рельсовых орудий. Да и как в нее не верить, когда она в любой момент может прийти за мной? Чэр Тиль эр'Картия давно уже живет в долг.

Так что я стараюсь быть почтительным с племенем ночных охотников и никогда их не обижаю.

На крыльце меня ждал очередной «сюрприз». Фиалки из ближайшего цветочного горшка оказались безжалостно вырваны и разложены в хаотичном беспорядке вперемешку с яблочным огрызком, шестью дубовыми листьями, клубком перепутанных ниток и вскрытой консервной банкой из-под сгущенного молока.

Я счел возможным выругаться вслух.

– Эти вандалы не успокаиваются, – хмыкнул Стэфан. – Мне кажется, их развлечения зашли слишком далеко. Пошла вторая неделя. Быть может, стоит все-таки вызвать жандармов?

– И что я им скажу? – проворчал я, с мрачным видом изучая загаженное крыльцо. – Что кто-то рвет герань и фиалки, выкладывая перед моей дверью гербарии вперемешку с мусо-ром?

– Думаю, это чэра эр'Тавиа. Она еще с твоим отцом ругалась.

– Не надо возводить напраслину на бедную старушку, – возразил я. – Максимум, на что она способна – разбить камнем окно. Да и то в лучшие годы своей жизни. Сейчас она не так проворна.

Амнис хмыкнул, явно сомневаясь в моих словах.

Я не знал, кто пачкает мое крыльцо. Это продолжалось уже девять дней, и Бласетт, мой слуга и по совместительству дворецкий, устал убирать мусор. Пару раз он пытался организовать засаду, чтобы поймать вандалов, но его ждала неудача. Он упускал тот скоротечный момент, когда на крыльце оказывались битые стекляшки от винных бутылок, листья, трава, цветы или обглоданный рыбий скелет.

Я постучал в дверь и прождал почти три минуты, пока мне открыли.

– Чэр эр’Картиа? – Бласетт был удивлен до глубины души. – Но разве вы не должны были вернуться во вторник?

– Мои планы изменились, – сказал я, входя в большой полутемный холл. – Опять экономить электричество?

Он ухмыльнулся:

– Не считаю, что следует платить пиклям излишне много, чэр. Позвольте вашу трость.

Я молча протянул ее и начал разуваться. Слуга крутанул трость вокруг запястья, словно заправский жонглер из цирка-шапито, находящегося в окрестностях Маленькой страны.

– Но-но! – возмутился Стэфан. – Нельзя ли поделикатнее, человеке?!

Я передал его слова дворецкому.

– Ах, простите ваша милость! – подобострастно сказал Бласетт. – Я совершенно забыл, с кем имею честь общаться!

Ему доставляло удовольствие подразнить амниса, особенно если я не возражаю против этого.

– Лучше бы тебе вспомнить и поскорее! Иначе ты рискуешь лишиться пальцев! – пробубнил Стэфан. – Хватит топтаться на месте! Давай уже! Отнеси меня на подставку. Нет! Не в кабинет, дубина! Я не собираюсь общаться с Анхель сию минуту! В библиотеку. Как, кстати говоря, тут обстановка?

Я вновь поработал переводчиком между ними.

– Предгрозовая. Ее милость рвет и мечет.

Мило «беседуя», они удалились, оставив меня в одиночестве. Амнис не шутил насчет пальцев. Однажды один жулик, привлеченный серебром, пытался украсть трость, и живо лишился руки. Старина Стэфан счел, что еще не пришло время менять хозяина.

Слуга обернулся в мгновение ока и помог мне снять пиджак.

– Полли опять наготавливает? – спросил я, принохиваясь к доносящимся из кухни запахам.

– Она всегда ждет вашего возвращения, чэр.

Бласетт не похож на остальных дворецких, что служат богатым семьям Рапгара. Он не чопорный, не цедит слова, не кажется исполнительным и подобострастно вежливым. Мой слуга – плут, картежник и шулер. Разумеется, все это осталось в далеком прошлом, но старые привычки тяжело изжить. Быстрые, цепкие глаза, ловкие руки и большая сообразительность никуда не делись. Он служит у меня уже больше десяти лет, с тех пор, как какой-то местный барон из Ямы захотел переломать Бласетту кости за паленую игру, и бывшему игроку в Княжеский покер потребовались пристанище и защита.

Мой дворецкий невысок ростом, кругл, как воздушный шар, и кажется эдакой булочкой, пышущей румяным энтузиазмом. Его лицо с пухлыми лоснящимися щеками, лукавыми бледно-зелеными глазами и тонкой полоской усов над не менее тонкой верхней губой – живое и подвижное. Несмотря на свою полноту Бласетт, когда надо быстр, ловок и проворен, точно охотящийся за коброй магарский мангуст. Одет он обычно несколько небрежно, можно сказать даже вызывающе – чистая светло-серая рубашка, васильковый галстук с незатянутым узлом, жилет в светлую коричнево-желтую полоску и точно такие же брюки. На носу – золотое пенсне.

Клоун, а не дворецкий. Впрочем, мне нет дела до его гардероба до тех пор, пока Бласетт выполняет свои обязанности. А выполняет он их идеально, и жаловаться мне не на что.

– Я забрал ваш смокинг из чистки, чэр. Прибывшая корреспонденция на вашем столе, – он шел за мной, отчитываясь о проделанной работе. – Спешу вам напомнить, что завтра у чэры эр’Тавиа день рождения. Двести один год.

– Думаю, будет любезным послать ей цветы.

– Как скажете, чэр. Но прошлый букет она вышвырнула на помойку.

– Это не повод быть невежливым, Бласетт. Возможно, ей не понравились розы. Давай на этот раз попробуем хризантемы. Белые и желтые. В достаточном количестве. Купи их у цветочницы на улице Модисток. И отправь с курьером.

– Что написать в записке?

Я на секунду задумался, изучая в окно пожелтевший сад, за которым скрывалась кладбищенская ограда.

– Ничего особенного. От чэра эр’Картиа с почтением и уважением.

– Старая ведьма этого явно не заслуживает, да простит мои слова чэр. Никогда не забуду, как этот божий одуванчик засветил булыжником в окно обеденного зала. Возможно, мусор – ее рук дело.

– Вы со Стэфаном просто сговорились, – возмутился я. – Очерняете несчастную старуху. Она и мухи не обидит.

– Осмелюсь возразить, чэр. Сто лет назад ваша соседка была замужем за одним из Палаты Семи. Это все знают, и, как говорят, без нее не принималось ни одно важное политическое решение в Рапгаре. К тому же у этой леди есть причины рассыпать на вашем крыльце мусорное ведро – ведь у вас неплохие отношения с господином МакДрагдалом.

– Не вижу связи.

– Она считает, что полковник пнул одну из ее кошек, чэр.

– А он пнул?

– Конечно, нет, чэр! – возмутился Бласетт. – МакДрагдал предпочитает пинать только врагов Рапгара. Но попробуйте объяснить это «почтенной» чэре!

Он достал из кармана жилета золотой «Мьядо-хуэр» – мой подарок ему в честь десяти лет безупречной службы. Дворецкий ужасно гордится ка-гаскими часами и всегда находит причину посмотреть на стрелки.

– Приказать подать чай, чэр? Как всегда? В Дубовом зале?

– Да, благодарю. Через полчаса, – я подумал, что до этого времени стоит сходить в кабинет.

– А что делать с ужином? Не раньше восьми?

– Пожалуй.

– На одну персону? Госпожа Мьяка вновь не придет? – спросил он, словно бы невзначай.

– К сожалению, – сухо ответил я.

Прима-балерина национального театра мне давно надоела, на поверку она оказалась скучной и немного вульгарной особой, так что мы разбежались после трех встреч, опечалив всех моих домашних. Слуги все еще тешат себя надеждой, что я найду замену Клариссе и, чего доброго, наконец-то женюсь. Бласетт как-то обмолвился, что дому давно нужна хозяйка. Мне, кажется, он сговорился со Стэфаном и Полли.

– Купи мне завтра свежий номер «Времени Рапгара».

– Он будет у вас на столе утром, чэр.

– Это все. Хотя нет. Крыльцо требует уборки.

Дворецкий закатил глаза и, сетуя, что пора поставить капканы на хулиганов, удалился по увенчанному охотничьими трофеями коридору.

Я решил, что будет вежливым заглянуть на кухню, поприветствовать Полли. Она всегда рада меня видеть. Войдя в Дубовый зал, я посмотрел на стеклянный потолок, заваленный листьями, сквозь который проникали тусклые, золотистые, не жгучие лучи осеннего солнца.

Когда один из моих предков проектировал этот дом, он пожалел одиноко стоящий молодой дубок и выстроил особняк вокруг дерева. Спустя века, дуб вырос, и теперь его ствол торчит прямо посередине зала. На высоте двадцати футов дерево окружает стеклянная крыша, а над ней колыхается крона.

Пару раз во время сильных зимних ветров, оторвавшиеся ветки падали, разбивали стекло, приходилось делать ремонт, но на дуб я не в обиде. Он такой же член моей семьи, как и остальные немногочисленные жильцы огромного дома. Я лазал по этому дереву еще мальчишкой...

С кухни раздавался приглушенный гул камнепада. Оба голоса Полли ни с чем не перепутаешь.

– Я так тебе скажу, моя девочка. Приготовление блюд – это искусство. И, как всякое искусство, оно содержит в себе маленькие тайны. Те же самые чудосочные жвилья. Не смотри, что люди, а их кухня славится на весь мир. Мол, она изысканна, бесподобна и очень пикантна. А знаешь почему? У стряпни жвилья, у этой высокой кухни тоже есть секрет. Не нужно много ума, чтобы приготовить зеркального карпа с чесноком и тмином или булгонскую утку, или хорошую кохеттскую пасту с ветчиной, или гусиную печень в мадере с тмином. С этим справится и криворукий поваренок. Все дело в соусах. Жвилья знают их пятьдесят тысяч и по праву гордятся этими рецептами. С хорошим соусом можно съесть все, что угодно.

Грохот посуды на мгновение заглушил слова поварихи.

– Даже тот ужас, что готовят в кафе и ресторанах Сердца, считающихся лучшими в Рапгаре. Так что мой секрет прост – вкусная еда и еще более вкусный соус. Кстати, ваша магарская пицца тоже не лишена приятности, но, на мой взгляд, излишне остра. Все эти тонны перца, карри и лимонов на одну небольшую тарелку хороши, чтобы убить заразу, встречающуюся в дикой стране, но вовсе не для того, чтобы порадовать желудок гурмана.

Я остановился в дверях, наблюдая, как моя кухарка одной парой рук рубит здоровенным поварским тесаком салатный лук, а другой парой взбивает в прозрачной плошке яичные белки с сахаром.

Полли из племени махоров. А это значит, почти девять футов роста, сила слона, грация бегемота, четыре руки и две рогатые головы. Ее родовое имя не выговорит даже такой полиглот, как Стэфан, поэтому все предпочитают называть повариху приближенным к первому из сорока ее имен – Полли.

Не кривя душой, могу сказать, что она – одна из лучших мастеров кухни в Рапгаре. Махорша работает на нашу семью со времен юности моего отца, и я вырос на ее замечательных блюдах. Много раз Полли приглашали в самые модные рестораны жвилья, а также к благородным чэрам в Небеса и Золотые поля, но она всегда отвечала отказом, даже несмотря на обещанные горы фартов. Этот дом давно стал для нее родным, и менять его на что-то новое на старости лет она не собиралась.

Правая голова махорши внимательно следила за приготовлением еды, в то время как левая беззаботно общалась с Шэфьей и Эстер.

Почувствовав движение, Полли обернулась, и оба ее морщинистых, серокожих лица расплылись в счастливой улыбке.

– Тиль! Мой мальчик! – ей единственной из слуг позволено обращаться ко мне так, как в детстве. – Когда ты вернешься?!

– Здравствуй, Полли. Привет, Эстер. Доброго дня, Шэфья. Только что приехал.

Стафия растянула зубастый рот, что означало бурную радость, а служанка отвлеклась от мытья посуды, подняла голову и гортанно сказала:

– Доброго дня, саил²⁰ Картия.

– Ты еще не видел Анхель? – невинно поинтересовалась правая голова моей кухарки.

– У тебя есть еще какие-нибудь темы для разговоров? – я чувствовал некоторую вину за случившееся.

– Их очень немного, – левая голова всегда и во всем поддерживала правую. – Вот столько. Обе пары рук свелись настолько, что я едва различил небольшой зазор.

– Она рвала и метала. Надеюсь, Стэфан успел спрятаться подальше. Анхель сочла, что это его злая шутка не предупредить ее о твоей поездке. Так что несколько часов нам всем, в том числе и мне, – обе головы недовольно нахмурились, – приходилось ходить на цыпочках. Поэтому никаких свиных отбивных с чабрецом и кремовым соусом на ужин никто не получил. Пришлось довольствоваться перепелиным супом и фрикадельками с лорванскими травами. Мне не слишком нравится быть гостьей на своей кухне, Тиль. Я уже стара для таких потрясений. Не мог бы ты все-таки впредь брать ее с собой? А то когда-нибудь все домочадцы останутся без обеда.

Я улыбнулся, кивнул. Анхель порой вспыльчива, и здесь главное переждать бурю и не показываться ей на глаза. Потом ей самой частенько бывает стыдно за свою несдержанность. Но это *потом*. А до него еще следует дожить.

– К полуночи Эстер удалось ее убедить, что тебе ничего не угрожает, и ей не следует так сильно переживать из-за такого пустяка.

Эстер растянула черные губы в еще большей улыбке, превратившейся в сплошные зубы. Из-под спутанных соломенных, сотни лет не мытых волос холодно горели маленькие угольки красных глазок.

Она единственная, кто не дрожит перед порой излишне крутым нравом Анхель. Что и не удивительно – ей терять нечего. Эстер – стафия. Призрак, живущий в этом доме с момента его основания. Один из моих кровожадных, красноглазых родственничков, истинных лучэров, замуровал в фундамент кости неизвестной и ни в чем не виноватой женщины, а затем провел надлежащий темный ритуал. Раньше в моем роду было полно волшебников.

Стафия – фантом-охранник. Нет лучшего защитника для имущества и тех, кто живет под крышей, чем зубастое чудовище, способное проходить сквозь стены и равнодушное к любым видам земного оружия, исключая лишь некоторую магию. Так что несколькими залетным воришкам, от случая к случаю заглядывающим на огонек, довелось испытать пару-тройку крайне обворожительных минут общения с фамильным призраком.

В данном случае поговорка о том, что дом держится не на земле, а на женщине, приобретает несколько иной смысл.

Однажды, когда я еще только стал владельцем особняка на улице Гиацинтов, я предложил Эстер вытащить ее останки и похоронить честь по чести, но она наотрез отказалась, и больше мы эту тему не поднимали.

– Как там у Зинтринов? – Полли высыпала лук в фарфоровую салатницу. – Старый Роже все такой же криворукый повар, как и раньше? Опять готовил свой никчемный омлет с белым трюфелем и сыром «Празуу»?

– На этот раз нет. Было что-то из жаркого. Если честно, не запомнил что, – я потянул носом и заглянул в одну из кастрюль. – М-м-м... сегодня нас ожидает маленькое пиршество?

– Как и каждый день, – хмыкнула кухарка. – Только ради этого я и надрываюсь.

– Перестань, – рассмеялся я. – Тебе это нравится. От плиты тебя не оттащишь никакими угрозами.

Она что-то добродушно проворчала и оттиснула меня от плиты, чтобы я больше не лез в кастрюлю и не испортил себе сюрприз. Помню, когда я вернулся домой после своего дол-

²⁰ Саил (господин) – уважительное обращение магарца к лучэру.

гого шестилетнего «путешествия», во время которого познавал себя, мир и окружающих, Поли закатали такой пир из моих любимых блюд, что я неделю выползал из-за стола до неприличия обожравшимся.

Что поделать – я люблю вкусно поесть, различить тонкие оттенки аромата и вкуса, догадаться, какие хитрости использовал повар. И пускай чревоугодие – один из грехов (во всяком случае, так проповедуют некоторые жирные клирики), на моем телосложении и здоровье, хвала Всеединому, это никак не сказывается. Обо мне можно сказать – не в тру-тру корм.

На деревянной доске лежал отличный, заправленный чесноком, покрытый укропом и свежими оливками окорок. Его уже нарезали и подготовили к выкладыванию на блюдо, я не утерпел и попытался сцапать с доски один кусок, но дорогу преградила Полли.

– Молодой человек! – возмутилась кухарка. – Что сказал бы покойный чэр эр’Картия?!

– Не перебивай себе аппетит перед едой! – отозвался я суровым, металлическим голосом отца, усмехнулся, попрощался и покинул кухню.

Когда я поднимался по широкой лестнице, застеленной темно-бордовым, порядком истрепавшимся за время своей жизни, ковром, из Дубовой залы раздался негромкий звон посуды – Бласетт накрывал к чаю.

Мой кабинет находится рядом с библиотекой, направо от Лиловой спальни и в некоторой изоляции от гостевых комнат, пустующих вот уже не один год и находящихся в противоположном крыле, в которое можно попасть через короткий широкий коридор, где в больших кремовых цветочных горшках Шафья разводит маленький зимний сад.

Дверь с тяжелой золоченой ручкой в виде сжатой орлиной лапы была приоткрыта на четверть дюйма. Я набрал в легкие побольше воздуха, словно кирусский ныряльщик, отправляющийся на дно за губками и, распахнув дверь, шагнул внутрь, ожидая грома, молний и явления Всеединога в придачу. Но бури не случилось, хотя в помещении был разлит целый океан яростного напряжения, от которого у меня волосы на голове едва не встали дыбом.

– Привет, – сказал я Анхель, запирая за собой дверь.

Напряжение усилилось, затем немного спало, начиная сменяться холодным презрением.

Я вздохнул, посмотрел на старый глобус в углу, на картину, изображавшую несущийся по степи табун черных лошадей, на тяжелый письменный стол, на котором ожидала своего часа стопка корреспонденции.

– Я виноват. Признаю.

Те же самые эмоции, только раза в три сильнее. Моя вина ее нисколько не интересовала. Она и так знала об этом.

– И я очень прошу меня извинить. Обещаю, что впредь при долгом отсутствии буду брать тебя с собой.

Теперь к презрению добавилось еще и недоверие.

– А вот это уже слишком! – укорил я ее. – Я всегда держу свое слово. Ты прекрасно это знаешь.

Некоторое смягчение настроения. И тут же Анхель вновь воздвигла между нами ледяную стену. Но мне все-таки удалось почувствовать еще одну ее эмоцию – страшную обиду. Малышка была оскорблена в своих лучших чувствах.

– Да, я поступил очень гадко по отношению к тебе, – согласился я с ней, заложив руки за спину и подходя к окну, понаблюдать сквозь полупрозрачные оранжевые занавески за тем, как по дороге ползет телега, нагруженная битым кирпичом – на том конце улицы рабочие ломали старый, вот уже год пустующий дом. – Я пренебрег собственной безопасностью в угоду своей лени. Мне нет оправдания.

Накал немного спал, и я понял, что опасность взрыва полностью миновала. Анхель продолжит дуться еще какое-то время, но, во всяком случае, не развалит в припадке гнева дедов-

ский письменный стол или несчастное гранатовое дерево в перламутровом горшке – третье по счету.

– Прошу меня простить, – я не видел ничего ужасного в том, чтобы извиниться перед собственной служанкой. Я ведь, действительно, был виноват.

Она оттаяла еще немного, хотя, конечно же, продолжала обижаться на мой идиотизм. Анхель считает, что мне всегда угрожает опасность. Особенно после случившегося на вилле «Черный журавль».

– Очень справедливое замечание, – я сел в свое кресло и посмотрел на нее. – Именно сегодня я попал в переделку.

Три эмоции – совсем немного радости оттого, что она оказалась права, глубочайшее чувство тревоги за мою жизнь и страшная злость на Стэфана.

– Ну, он-то в этом точно не виноват, – защитил я амниса.

У нее было свое мнение на этот счет. Мол, будь со мной она, а не этот старый мешок с костями, ничего страшного бы не случилось! Я, как мог, защитил свою трость, но Анхель была непреклонна. Меня она считала слишком молодым, а оттого несколько беспечным и легкомысленным, следовательно, Стэфан, как более опытный, должен был остановить хозяина от необдуманного поступка. Под последним имелось ввиду то, что Анхель осталась дома, а не отправилась к Зинтринам вместе со мной.

Я вновь посмотрел на нее, цокнул языком, тем самым выражая одновременно и сожаление, и сомнение, и вину. Она пропустила этот звук мимо ушей, и я ощутил, что ей страшно интересно, что с нами случилось. В одно мгновение Анхель поменяла форму, и теперь на раскрытой книге вместо сине-черного керамбита,²¹ лежал маленький изящный нож для открывания писем. Черепаховая рукоять, розовый перламутр и зеркальный клинок цвета индиго, в глубине которого извивались сотни темно-фиолетовых волнистых линий – домашняя форма моего второго, малоразговорчивого, но такого эмоционального амниса.

Пока я пересказывал случившееся, она молчала, слушая с деланным равнодушием, но я чувствовал, что девушка вновь закипает от ярости. Теперь уже не на меня и Стэфана, а на тех неизвестных господ, что чуть не отправили меня в Изначальный огонь.

Разговаривая, я на всякий случай еще раз глянул на дверь, убедился, что она заперта и только теперь снял перчатки, отстраненно изучая тонкие черные линии, бегущие по моим ладоням, иллюзорными кольцами обхватывающие пальцы и заканчивающиеся тонкими браслетами возле начала запястий. Я не люблю показывать эти «шрамы» кому бы то ни было. Частенько обыватели реагируют на подобное излишне неадекватно.

Когда история была завершена, Анхель «сказала» лишь одно – она надеется, что эти неприятности были первыми и последними. Я тоже надеялся на это, но не слишком сильно.

Достав из кармана желтый платок, я задумчиво покрутил его в руках, а затем убрал в ящик стола, решив разобраться с этим, когда придет время.

²¹ Керамбит (или петушиная шпора, или коготь тигра) – кривой нож с заточкой на вогнутой стороне и кольцом на конце рукояти для лучшего удержания указательным пальцем. Используется для секущих ударов и перерезания мышц, сухожилий и залегающих в верхних слоях тканей сосудов (в том числе и шейных артерий). Чаще всего удерживается обратным хватом. Применяется в ближнем контактном бою.

Глава 5

Женатый на пистолетах

...Ветер безумствовал, рвал голые кроны старых платанов, стегал по уставшим деревьям холодной мартовской водой, гнал тучи, полностью скрывшие за собой бледный, тонкий, похожий на волос, остророгий молодой месяц.

Ненастная погода целиком и полностью соответствовала моему настроению – в жилах бурлил расплавленный гнев.

Барабани кулаком в дверь виллы «Черный журавль» я думал, что Стэфан, как-то сказавший, будто сильные страсти порождают еще более сильную ненависть – был прав. Я соглашусь с этим. Сейчас я был готов убить этого подлеца, несмотря на его родство с сильными мира сего.

Дверь распахнулась, и меня залило ярким светом. Пришлось на мгновение зажмуриться...

– Опять вспоминаешь прошлое? – трость вернула меня в действительность.

– Да. Пытаюсь понять, что я упустил в ту ночь.

– Ты снова беспокойно спал сегодня.

Я лишь пожал плечами. Возможно, и так. Не помню, да и не хочу вспоминать.

Он, чувствуя мое дурное настроение, заворчал глухо, словно раздраженный цепной пес, но, зная, что выжать из меня ничего не удастся, отстал.

Стэфан находился на подставке из красного дерева, установленной в Лимонной гостиной, и отчаянно делал вид, что Анхель не существует. Та, в свою очередь, не замечала Стэфана. Моя трость и мой нож, два доставшихся мне в наследство амниса, мои самые верные слуги и хранители, дулись, игнорируя друг друга, общаясь исключительно со мной и демонстративно изображая, будто «коллеги» поблизости нет.

Я в их дела не лез, понимая, что два существа из Изначального пламени, живущие друг с другом бок о бок уже которую сотню лет, разберутся сами, без неуклюжих попыток «сопливого тридцатилетнего мальчишки» примирить их.

Развернув свежий номер «Времени Рапгара», я пробежал глазами по строчкам, а затем, сложив газету пополам, бросил ее на стол.

– Ничего интересного? – Стэфан страдал от скуки.

– Лишь пустые слова.

История в «Девятом Скором» произошла два дня назад. На следующее утро газеты проявили незначительный интерес к событиям в экспрессе. Краткая заметка о непредвиденной задержке, о скандале в центральном офисе железной дороге и грандиозной драке между ка-га. Про убийство – всего пара строк. Стэфан даже возмутился, но я лишь усмехнулся:

– Жителям нашего славного города интересен исключительно Ночной Мясник. Так что все остальные преступления, а также покойники, которые отправились на тот свет не по воле этого сумасшедшего полудурка, не интересуют ни журналистов, ни обывателей.

– Какая жестокая ирония, – притворно вздохнул Стэфан, и я почувствовал легкую насмешку, исходящую от Анхель.

– Ничего не поделаешь. Даже вселенская драка между студентами получила гораздо лучшее освещение.

– Возможно, это произошло потому, что освещавшему событие господину из газеты хорошенько засветили в глаз.

Я усмехнулся, Анхель фыркнула. Учащиеся двух вечно конкурирующих университетов Рапгара – Кульштасса и Маркальштука – устроили грандиозную бучу в Старом парке по слу-

чаю окончания соревнований по академической гребле. Жандармам пришлось разгонять господ-студиозусов водометом.

Впрочем, меня это нисколько не беспокоило, как и падение акций ка-га еще на шесть пунктов, нота протеста от Малоэана для нашего правительства, очередной рейд жандармов в поисках Багряной леди и прочая, прочая, прочая. Сейчас меня интересовала лишь загадочная Эрин, но она, исчезнув из моего купе, казалось, исчезла и из мира.

Женщина с каштановыми волосами и голубыми глазами, сам не пойму как, запала мне в сердце, и я то и дело вспоминал о ней, хотя видел ее всего ничего. Со мной давно такого не случалось, и я пытался хоть как-то объяснить себе внезапный интерес.

Что это? Обычное любопытство, желание разгадать тайну, которой, вне всякого сомнения, владела Эрин, или нечто большее? Зачем мне эта невысокая заплаканная незнакомка? Почему я так хочу встретиться с ней еще раз?

Последние слова я произнес вслух, и сразу почувствовал тихое неодобрение Анхель. Она чуяла, что эта история плохо пахнет, раз люди, замешанные в ней, без колебаний могут убить. И не понимала, зачем я лезу в неприятности.

– Наверное, от скуки, – серьезно подумав, ответил я ей. – Вы удивитесь, насколько тоскливо и пресно мне жить последнее время в этом унылом городе.

– О, Всеединый! – проворчал Стэфан. – Сейчас он начнет ныть о том, что следует уехать из Рапгара и поселиться где-нибудь поблизости от Отумхилла.

– Хорошая идея, – одобрил я слова амниса. – Возможно, смена обстановки это то, что мне нужно.

– Да, перестань! – отмахнулся он. – Самый последний скангер в городе знает, что ты никогда не оставишь фамильное гнездо. Яд Рапгара в твоей крови, он впитался с молоком матери. Что касается скуки, то здесь все просто. Раньше ты был азартным игроком и, прошу заметить, очень удачливым и умелым азартным игроком. Теперь же не подходишь к игральным картам и на милую, не говоря уже о таких невинных шалостях, как орлянка, ставки на скачках и гребной спорт. Я уважаю твердость твоего характера, но до сих пор уверен, что тебе следует несколько ослабить те пути, в которых ты себя держишь. Скоро начнутся игры на Арене. Поставь на Крошку Ча.

– Тебе ли не знать, что не интересно ставить на того, кто все время выигрывает? – покачал я головой, поглядывая на конверты, скопившиеся возле малахитовой чернильницы.

Я уже несколько дней не разбирал корреспонденцию.

– Ну, давай. Скажи, что гадать, кем является эта девица со стилетом – гораздо интереснее, чем сражения на паровых машинах! – обиделся амнис.

Ответить я не успел, так как Анхель неожиданно поинтересовалась, насколько красива Эрин, раз любезный чэр все еще о ней думает? Вопрос-эмоция был обращен к Стэфану, который, услышав его, едва не впал в столбняк. Анхель первой вступила на тропу примирения.

– Ну... – он прочистил горло. – Ну... я бы сказал, в ней что-то есть. Но это отнюдь не внешность. Встречал я на своем веку и более красивых женщин. Та же Кларисса...

Он счел, что позволил себе лишнее, и продолжать не стал. Меня резануло острой, как нож, ненавистью Анхель. Она до сих пор не могла простить ту, с которой я когда-то хотел связать свою жизнь. Кларисса для амниса являлась предательницей, бросившей меня в самую трудную минуту.

Я тоже когда-то так считал и очень переживал по этому поводу. Потом, со временем, все забылось. Страсти, обида и ненависть погасли. От пламени костра остался лишь серый пепел. Во всяком случае, я хочу так думать.

– Извини, Тиль.

Я поднял бровь, услышав от Стэфана ненужное извинение:

– За что? Я давно уже не реагирую на имя Клариссы так, как раньше.

Эмоции Анхель с первого раза расшифровать мне не удалось. Затем я понял, что она считает, будто у Клариссы никогда не было ко мне любви. Лишь страсть.

Чрезмерная страсть не приносит двум людям ни славы, ни удовлетворения, ни счастья. Ведь она не так многогранна, как любовь. Страсть нечто иное, местами более сильное, более дикое, примитивное и в то же время яркое. Порой она заставляет кипеть кровь и заводит почище, чем пузырьки розового шампанского жвилья. Беда лишь в том, что когда это чувство у кого-то из двоих проходит, на коже остается лишь соль, песок, да зола.

– Мое мнение таково, – трость думала уже совсем о другом, – стоит послать Бласетта за «Срочными новостями».

– Зачем? – нахмурился я. – Эта пустая газетенка жарит новости на огне, только и успевая переворачивать, чтобы не подгорали. Я давно не доверяю изданию.

– Да мне не важно, доверяешь ты ему или нет, Тиль! Возможно, они, в отличие от «Времени», написали что-нибудь о пророке из района Иных.

– По-твоему они только и делают, что сидят рядом с пророком и слушают его откровения о том, где случится новое убийство? – рассмеялся я.

– У газетчиков свои источники информации. Помнишь же, как во время суда...

– Помню, – перебил я. – А еще помню, что даже такая пустозвонная пустота, как «Срочные новости» гнет спину перед мэром и Городским советом, иначе у них быстро отберут лицензию. С учетом того, что из-за поиска Мясника на ушах стоят все городские службы, я уверен – твоего странного пророка давно ищут синие жандармы, чтобы задать ему парочку вопросов. И если кто-то из газетчиков скроет информацию о том, где прячется этот любезный господин, но опубликует статейку, то Скваген-жолц возьмет газету за горло и вытрясет из нее всю душу, несмотря на объявленную Князем свободу в печати, так сильно вредящую частной жизни порядочных граждан.

В дверь постучали.

– Минуту! – сказал я, надел на руки перчатки и только после этого открыл дверь и позволил служанке войти.

– Саил Картия вы заняты? Я хотела прибраться, но могу прийти попозже, – сказала Шафья.

– Ерунда, – я встал с кресла, убирая Анхель в карман и подхватывая пачку писем. – Гостиная в твоём распоряжении. Стэфан составит тебе компанию.

– Спасибо, саил, – ее подведенные сурьмой карие глаза как всегда остались серьезны, а вот красивые губы на прекрасном смуглом лице с тонким точеным носом, тронула едва заметная вежливая улыбка.

Шафья родом из Магара, и она вдова. В этой варварской стране женщина, потерявшая мужа, считается ничуть не лучше таракана на обочине дороги. Если ей повезет, она станет изгоем. Если не повезет – ей придется взойти на костер следом за умершим.

Эти дикие обычаи магарцы, верящие в тысячу с лишним разномастных божеств, притащили и в Рапгар. Шафье удалось избежать пламени, но она стала мертвой для своего народа. Я встретил ее в Соленых садах, недалеко от Складского берега, в районе очень недоброжелательном к чужакам. Местные «крысы» решили поразвлечься с испуганной девушкой, и мне, как чэру, пришлось за нее вступить. С тех самых пор, уже почти год, Шафья находится в моем доме. Она отлично вписалась в нашу маленькую семью, словно жила здесь десятилетиями.

Я перебрался в кабинет, рухнул на мягкий диван и ножом стал вскрывать конверт за конвертом, слушая, как в коридоре старые часы приглушенно отбивают десять утра. Письма я читал через строчку, совершенно невнимательно, быстро пробегая глазами, сминая листы и ловкими бросками отправляя их в корзину для бумаг, одиноко стоящую у противоположной стены.

Раньше у меня было множество тех, кого принято называть друзьями, но теперь редко кто из них интересуется мной. Разумеется, когда пришло время, они сочли приличным прислать мне свои самые теплые пожелания, чем вызвали у меня горький смех. Это было забавно, особенно, если учесть, что последнее воспоминание о них – это отводящие взгляды, не желающие замечать меня господ. Начитавшись газет и наслушавшись сплетен, они отвернулись от меня, как и все наше хваленое высшее общество.

Тогда на моей стороне осталось совсем немного людей, и среди них трое самых близких друзей: Данте, Талер, и Катарина. Они не отказались от меня ни тогда, ни теперь, и я, Тиль эр'Картиа, Тиль Пересмешник, Тиль Не Имеющий Облика, буду благодарен им по гроб жизни. Потому что понял – ничто так не ценно в этом мире, как доверие. Они верили в мою невиновность с самого начала и до самого конца этой гнусной истории, несмотря на факты и показания многочисленных свидетелей. И я обязан им за эту веру, что поддерживала меня и питала каждый день, когда я открывал глаза и видел перед собой печать Изначального огня.

Мое воспоминание пробудило злость Анхель. Она злилась на тех, кто устроил все это. А еще на меня за то, что в ту ночь на виллу «Черный журавль» я не взял с собой ни ее, ни Стэфана, которые могли защитить меня или остановить, остудив ярость. Ну и, разумеется, больше всего она злилась на себя, что не смогла быть со мной в трудную минуту.

– Оставь, – попросил я ее, сминая бледно-голубой конверт-приглашение. – Поздно сожалеть о том, что давно уже прошло. Надо жить настоящим.

Она ворчливо порекомендовала мне жить не только настоящим, но и будущим, несмотря ни на что. Анхель упрямая. Я тихо рассмеялся, отмечая тем, что понял ее эмоции, но не согласен с ними, хотя и не собираюсь спорить. Она в ответ с яростью вскрыла конверт, едва не оттяпав мне палец. И тут же виновато извинилась.

Письмо было от президента клуба «Шесть четверок». Элитное местечко, куда можно попасть, только заручившись рекомендацией трех постоянных членов этой благородной обители вечных бездельников. Многие господа из Золотых полей спят и видят себя в «Шести четверках». Некоторые даже убить готовы за членство в клубе, так как там можно завести воистину важные знакомства, и начинают отворяться такие двери, которые ранее не открывались даже золотым ключом.

Раньше я тоже был среди тех, кто собирался в комнатах, оббитых дубовыми панелями, потягивал кальвадос, коньяк и виски, курил колониальные сигары, ловко загонял шары в бильярдные лузы и тасовал колоды игральных карт, проигрывая и выигрывая за ночь в Княжеский покер целые состояния. Затем, разумеется, меня исключили из столь достойного и чистоплотного общества. Потому что я «не соответствую званию честного чэра, а, следовательно, не могу состоять в клубе «Шесть четверок» вне зависимости от моих прежних заслуг, так как мое имя может повредить репутации столь уважаемого заведения».

Теперь, когда все изменилось, клуб «Шесть четверок» был бы счастлив видеть благородного чэра эр'Картиа среди самых уважаемых граждан великого Рапгара и хотел заверить в своем самом добром отношении: «По единогласному решению правления клуба, его президента, а также самых почетных членов для вступления в «Шесть четверок» чэру эр'Картиа не нужны рекомендации других членов, а достаточно лишь его согласия».

– Какая любезность, – сухо кашлянул я, рассматривая печать.

Раньше, когда я был еще мальчишкой и видел среди бумаг на отцовском столе документ с подобной печатью, это вызывало у меня настоящий трепет. Теперь же – никаких особых эмоций. Разве что недоумение.

Анхель спросила – которое это письмо по счету? Третье?

– Четвертое. За последний год. Они все еще надеются меня переупрямить, хотя я и не понимаю, зачем им это нужно. Пожалуй, если они продолжают настаивать и пришлют пятое, мне придется перестать быть вежливым.

Эмоции моего ножа спросили, не задумывался ли я о том, что в «Шести четверках» могут просто сожалеть о случившемся?

– Мы всегда поспешны в своих решениях и слишком часто жалею о них, пытаюсь исправить то, что исправлять давно уже не следует, – скривился я, смял бумагу и отправил ее в корзину. – К сожалению, не все это понимают.

Многие бывшие «друзья» прислали мне вежливые письма, где говорилось, как они рады, что все обошлось, и приглашали меня на чай, обед, ужин, семейное торжество и даже свадьбу. Я считал правильным отвечать вежливым отказом, пока мне это окончательно не надоело, и я, забыв о манерах и воспитании, не стал выбрасывать все в корзину, несмотря на недовольство Стэфана, считающего, что чэр должен оставаться вежливым до конца. Мне же было жаль чернил, бумаги и своего времени, так что упреки амниса я пропустил мимо ушей.

Через час с корреспонденцией было покончено, и у меня в руках остался лишь один конверт, в котором содержалась небольшая записка:

«Тиль, привет! Катарина с мужем устраивают большой прием в честь десятилетия своей свадьбы. Если ты не помнишь – 8-го. В 20–00, в летнем особняке на улице Волчьей луны. Ты, разумеется, должен быть. Она привозила твое приглашение Зинтринам, но ты уже уехал.

Заеду за тобой в пять.

P.S.: Не забудь о смокинге. Black Tie.

P.P.S.: Купил себе новую игрушку. Покажу при встрече.

Талер».

Я вспомнил, какое сегодня число, и выругался. Прием у Катарини начнется через несколько часов.

– Я считал возможным подготовить этот смокинг, чэр, – сказал Бласетт, придирчиво разглядывая меня в зеркало. – Он единственный вернулся из чистки. Все прочие оставлены вами в поместье у Зинтринов. Их дворецкий до сих пор не распорядился переслать ваши вещи.

– Меня вполне устраивает этот. Спасибо, Бласетт.

Смокинг был отличным, несмотря на недовольное ворчание слуги. Черный цвет, шалевый атласный воротник, обтянутые атласом пуговицы. Плотная сорочка из чистого хлопка, черная бабочка, черный однобортный жилет, лаковые туфли и шляпа с излишне жесткими полями.

Единственное, что портило мой вид – это перчатки из тонкой черной кожи. На таких приемах перчатки да еще и в сочетании со смокингом – отличительная особенность стюардов. Но, думаю, Катарина простит мне мою эксцентричность.

– Предупреди Полли, что я не вернусь к ужину.

– Уже сделано, чэр, – он протянул мне тонкий черный плащ. – На улице похолодало. Хочу спросить вас, свободен ли я на этот вечер?

– А что такое? – я захлопнул крышку часов, убрал их в карман жилета.

– У сестры сегодня праздник в честь посвящения моей маленькой племянницы Всеединому.²² Могу ли я уйти?

– Конечно, – кивнул я. – И купи ей хороший подарок. Я оплачу расходы.

– Чэр, вам вовсе не стоит...

– Я так хочу, – отрезал я. – Маленькие девочки достойны того, чтобы получать хорошие подарки. Загляни в «Мир игрушек Доббса» в Сердце. Думаю, найдешь что-нибудь подходящее.

²² Аналог крестин.

– Я так и поступлю, чэр. Благодарю вас, – он блеснул стеклами пенсне и поспешил вниз, ответить на стук дверного молотка.

– Это господин Талер! – крикнул я дворецкому. – Проводи его в Охотничью комнату!

Я взял со стола Анхель, убрал ее в маленькие жесткие ножны, прикрепленные сзади к моему поясу, выдвинул ящик, достал стопку фартов, коснулся аккуратно сложенного желтого платка Эрин и, подхватив Стэфана, начал спускаться по лестнице.

Охотничья комната располагалась на первом этаже, сразу за большим холлом. Ее стен не было видно из-за висящих на них старых кремневых ружей, охотничьих секир, щитов с гербами и, конечно же, множества голов разнообразных животных, подстреленных еще моим дедом. Сам я к охоте не проявляю ровным счетом никакого интереса и несколько раз порывался очистить свой дом от залежей мертвых зверей. Меня удручает этот пылесборник покойников. Но Стэфан сразу же начинал ныть, что я не чту память предков, и выбрасывать столь достойную коллекцию – просто кощунство.

Так что в итоге я махнул рукой на это помещение, как и на галерею с охотничьими трофеями. Раз амнису нравится этот мусор – пусть наслаждается.

Талер, в отличие от меня, любил Охотничью комнату и с удовольствием рассматривал древние ружья, цокая языком, гладил полированные ореховые приклады, щелкал колесцовыми замками и заглядывал в дула.

Мой друг, как и все мы, немного сумасшедший. У него в жизни единственная страсть – огнестрельное оружие. Он просто помешан на всем, что гулко стреляет и дырявит пулями ни в чем неповинную плоть. Талер «женат» на своих многочисленных пистолетах. Так что ничего удивительного, что его увлечение в итоге стало профессией – мой старый друг работает в Западном крыле Академии Точных Наук. Том самом, что сотрудничает с тропееллами в разработке новых систем вооружений.

Я, чувствуя, как предвкушающе усмехается Стэфан, на цыпочках подкрался к комнате и осторожно заглянул туда. Так и есть. Талер вертел в руках старинный мушкетон, из которого в последний раз стреляли чуть ли не при Всеедином. Дружище все мечтает пальнуть из него новой, электрической картечью и посмотреть, что из этого получится. Он несколько раз умолял меня позволить ему провести эксперимент, но я наотрез отказываюсь. Не хочу, чтобы старую рухлядь разорвало у него в руках.

– Бах! – я скопировал звук выстрела, и в тишине он прозвучал, словно гром среди ясного неба.

Талер подскочил примерно на фут, юркнул за стол и выхватил из карманов плаща два пистолета внушительного вида. На этот раз даже я, знающий привычку приятеля носить при себе одновременно пять-шесть пугачей, был впечатлен.

Заметив мою ухмыляющуюся рожу, он выругался:

– Сгоревшие души! Так и до могилы можно довести, Пересмешник! Я чуть не умер!

Он выбрался из-за стола, отряхнул штаны:

– Мы все-таки не на первом курсе университета, чтобы так шутить! А если бы я запаниковал и выстрелил?

– Не выстрелил бы. Я прекрасно знаю, как быстро ты можешь оценить обстановку.

– Почему из всех возможных Атрибутов, достающихся лучэрам, ты получил самый дурацкий – подражание голосам других?

– Ты знаешь, я частенько задаюсь тем же самым вопросом, – рассмеялся я. – И Атрибут, и Облик могли бы быть и получше, но что теперь с этим поделаешь?

Он криво усмехнулся.

Талер чуть ниже меня, но худой, как скелет, поэтому его старый, латанный-перелатанный болоньевый плащ болтается на нем, как на вешалке. Непослушные волнистые волосы Талера

еще длиннее, чем у меня. Он отказывается стричь их коротко с пятого курса университета, когда проиграл какое-то пари, о котором не желает распространяться до сих пор.

Бледная кожа, впалые щеки, длинный нос, каштановые усики и борода клинышком, а также большие, цвета змеевика, глаза – вот что такое господин Талер. Его взгляд, внимательный, смотрящий вглубь, быстрый, пронзительный до мурашек, совершенно не вяжется с немного неряшливым видом и щедушным телом. Впрочем, именно такой взгляд и должен быть у хорошего стрелка.

Сколько себя помню – мой университетский однокашник еще ни разу не промахнулся, стреляя по мишеням. В отличие от вашего покорного слуги, давным-давно забросившего такие развлечения.

– Как прошла охота в поместье Зинтринов?

– Стреляли вальдшнепов, – коротко ответил я, избегая рассказа о том, что никто из-за излишне выпитого ни разу не попал в цель. Талер, как заядлый охотник, болезненно воспринимает промахи и ушедшую от пуль добычу.

– Пора идти. Я нанял коляску, – движения у него излишне резкие, кажущиеся незнакомым людям нервными и суетливыми. – Куда ты спрятал Шафью?

Он вытянул тощую шею, оглядывая пустой холл за моей спиной, а затем с укоризной посмотрел на меня.

– Никуда я ее не прятал! – отмахнулся я от него. – Твоя паранойя когда-нибудь сведет тебя в могилу, мой друг. Если девушка не хочет с тобой общаться, значит, на то у нее есть какие-нибудь причины. Нет! Даже не думай. Я спрашивать, а тем более принуждать ее ни к чему не буду.

Когда Шафья только появилась в моем доме, старина Талер, одиночка-Талер, нелюбимый Талер, любитель оружия, никогда раньше особо не замечавший женщин, заинтересовался красотой магарки, но дальше этого интереса дело не пошло. Затем, однажды, когда я, он и Мак-Драгдал убили пузатую бутылку кальвадоса, изрядно захмелевший полковник, на дух не переносивший магарцев, то ли в шутку, то ли всерьез назвал Шафью одной из ревари. Те являлись жрицами Гарвуды – огромной небесной птицы, которой поклоняются в центральном Магаре. Мол, эти жрицы – лучшие наемные убийцы, и частенько служили раджам.

Далее последовала история о том, как в розовом городе Джайджарате, где располагалось несколько пехотных полков перед первым ударом на Кальгару, две ревари уничтожили почти все командование, прежде чем солдаты пристрелили врагов.

– Шустрые бестии! – покрасневшее от выпитого лицо полковника было гневным. – Проворнее мяурров. Чик-чик своими кривыми ножиками, и куча трупов! Да еще и магия защитная! Они даже от пуль уклонялись какое-то время!

История о пулях запала Талеру в душу, несмотря на то, что на следующий день полковник все отрицал и лишь делал круглые глаза.

– Какая ревари? – рокотал он в седые усы и недоуменно щурил глаза. – Эта девчонка в цветастом сари с кучей браслетов на руках?! Она?! Ты с ума сошел, мальчик! Да мало ли что я говорил! С кем не бывает!

Но Талер не успокоился, проверил эту историю по военным архивам, однако ничего о гибели офицеров в Джайджарате в открытых источниках не нашел, а к секретным его не допустили. В общем, какое-то время он относился к Шафье очень настороженно, чем вызывал у меня улыбку. А затем стал просить ее показать, как следует убегать от пуль, чем перепугал бедную девушку до смерти.

Когда Талер начинает наседать, он становится похож на тощего коричневого спаниеля. Такой же настырный и ошалевший от собственного буйного воображения.

Пришлось попросить его оставить Шафью в покое и перестать корчить из себя идиота. Он страшно обиделся, но умерил свой пыл. С тех пор прошло уже несколько месяцев, но служанка старается не попадаться моему другу на глаза. Так. На всякий случай.

Бласетт ждал нас у двери. Помог мне надеть плащ и вручил моему гостю его старую вельветовую шляпу.

– Удачного вечера, господа.

Он распахнул дверь и обреченно вздохнул:

– Опять!

На крыльце лежали: плохо обглоданная цыплячья ножка, прокомпостированный и порядком испачканный трамвайный билет, пустая катушка от ниток, дырявый башмак, ворох алых кленовых листьев и подшиппник.

– Ну, вчера было хуже, – философски заметил я, нахлобучивая шляпу.

– Вчера? – удивился мой друг. – У тебя что – мусорная свалка?

– Видимо именно так кто-то и считает, господин! – лицо у Бласетта было мрачным, на скулах появился румянец. – Вчера была окоченевшая крыса на венке из роз. Последний, судя по надписи, был украден с кладбища Невинных. А позавчера – целая горка стекла и еще какая-то дрянь. Чэр эр’Картиа! Я же от двери никуда не отходил. И никого не услышал! Только что, гады, положили!

Талер склонился над кучей мусора, и его острый нос едва не уткнулся в дырявый башмак.

– Быть может, какая-то черная магия, Тиль?

– Вряд ли, – возразил я. – Стэфан бы почувствовал.

– Верно, – отозвался все это время державший рот на замке амнис. – Нет волшебства. Какие-то хулиганы.

– Без сомнения, это чэра эр’Тавиа, – у Бласетта была лишь одна теория.

– Старушка-соседка? – изумился Талер. – Полно! Она безобидна. Правда, помнится, в наши студенческие годы, едва не оприходовала меня своей клюкой, когда заметила, что я целюсь из пистолета в одну из ее кошек. Я пытался ей объяснить, что оружие не заряжено, но...

Он с трагическим видом развел руками. Наверное, помнил, как его гоняли по всей улице.

– Бласетт бьется с вандалами уже не первый день, – объяснил я другу.

– Если хотите поймать хулигана, поставьте ловушку. Капкан, например. Или противопехотную мину. У меня есть знакомые на армейских складах. В принципе, могу достать.

– Спасибо, – усмехнулся я. – У тебя, как всегда, радикальные способы решения проблем. Боюсь, мой дворецкий замучается оттирать стены от крови. К тому же, пострадает фасад и окна.

– Ну, как хочешь. Идем. Коляска ждет.

Я попрощался с Бласеттом и поспешил за Талером.

– Ты посмотри какой красавец! Семь патронов в барабане! Дальность прицельной стрельбы двести тридцать футов! – Талер от восхищения глотал слова и то и дело поправлял вельветовую шляпу, съезжающую ему на глаза. – Держи. Оцени вес!

Он пихнул мне новую звезду своей коллекции – вороненый револьвер производства компании «Лугг и Хаувер», начав расписывать его достоинства. Я вежливо поддакивал в нужных местах. Талер частенько занимал у меня деньги, чтобы купить себе очередную игрушку. Я без проблем одалживал – мне не жалко.

– Чем он стреляет?

– Любой боезапас, – мой друг просто сиял. – В том числе и последние разработки тропаелл. Разумные опалы, например.

Я удивленно поднял бровь, но Талер сразу скорчил загадочную физиономию. Было понятно, что это тайна, и пока он не готов о ней рассказать.

Иногда я поглядывал по сторонам, гадая, успеем ли мы добраться до дома Катарины к положенному сроку. Она вместе с мужем жила на самом востоке Кайлин-ката – района, находящегося севернее Золотых полей.

Когда мы миновали мост Праведности, соединяющий Олл и Кайлин-кат, уже стемнело. В отличие от других районов Рапгара, на востоке города следили за освещением, и на улицах здесь горели электрические фонари. Разумеется, они стояли не так часто, как в Небесах или Золотых полях, но достаточно для того, чтобы лошадь не продвигалась на ощупь.

Талер закончил хвастать, забрал у меня пистолет, спрятал его в карман плаща, и мы разговорились о Ночном Мяснике, строя предположения, кто это может быть, и когда, наконец, господа из Скваген-жольца смогут хоть что-то сделать для его поимки.

– Быстрее! – обратился мой приятель к извозчику.

Ползли мы, действительно, излишне медленно.

– Запрещено, господин. Нельзя, – виновато ответил тот.

– С каких это пор?! – вскинулся Талер.

– Со вчерашнего дня, господин. Городской совет издал закон. В темное время суток теперь положено ехать медленно, чтобы патрули жандармов могли рассмотреть пассажиров.

– Не поможет, – сказал мне Талер. – Если они думают, что Мясник перемещается на колясках, то как они смогут узнать его? Он что в крови с головы до ног или носит у всех на виду топор?

Я лишь пожал плечами. Ни одного патруля за всю дорогу мы так и не встретили.

Коляска катила по прямой улице, проходящей с запада на восток через весь остров Рыбы. Кайлин-кат состоит из конгломератов маленьких кварталов, находящихся отдельно друг от друга и разделенных большими дубовыми рощами и прекрасными лугами, все еще сохранившимися в нашем заросшем домами, заводами и грязью городе. По своей престижности Кайлин-кат гораздо выше, чем Олл, но не дотягивает до Золотых полей, а тем более Небес. Основной процент живущих в этой части города – хорошо обеспеченные Иные: ка-га, богатые семьи мяурров, ранее служивших в армии и гвардии и, разумеется, пикли. Именно в недрах Кайлин-ката спрятаны машины, с помощью которых пикли даруют Рапгару электричество.

Здесь же находится Раковина – завитое спиралью перламутровое здание, и днем и ночью освещенное тысячью фонарей. Оно второе по яркости в Рапгаре и уступает лишь княжескому дворцу. Несколько минут назад мы как раз проехали мимо Раковины. На улице не было ни души, пикли всегда рано ложатся спать и встают чуть свет.

Дорога тоже была пуста, последний экипаж мы встретили минут десять назад.

– Не люблю здесь бывать, – проворчал Талер, поднимая воротник плаща.

Район с домами пикли, так похожими на морские раковины, остались позади. Началась парковая зона, за которой располагался восточный Кайлин-кат, где жили преимущественно люди, которым не по карману купить виллу в Золотых полях, но которые побогаче и повлиятельнее всех остальных.

В рощах на электричестве экономили, несмотря на то, что местечко было не из дешевых. Фонарей здесь имелось раз-два и обчелся. Светили они тускло, и стоило миновать ближайший, следующий казался маленькой искоркой – до него следовало ехать футов шестьсот. Так что в ночном осеннем мраке лошади ползли еще медленнее, и, если бы не два масляных фонаря на коляске, экипаж, боюсь, и вовсе бы остановился.

– Старина. Быстрее. Заплачу двойную цену, – сказал я извозчику.

Тот вздохнул, повозился, посмотрел по сторонам, явно ожидая, что в ближайших кустах прячется патруль синих мундиров, и неохотно чмокнул губами, подгоняя лошадей.

– Мы не успеем даже к перемене вторых блюд, – пробубнил Стэфан.

Анхель сохраняла полное спокойствие. Судя по идущим от нее ощущениям – она спала. Я ответил трости, Талер вопросительно посмотрел на меня, сообразил, что я разговариваю с амнисом, и нахохлился. Он тоже понимал, что мы крайне неприлично опаздываем. И нам будет очень неудобно перед Катариной.

Я задумался всего на несколько мгновений и пропустил момент, когда ситуация на улице изменилась.

– Что это за дрянь?! – с отвращением спросил Талер, вжимаясь в спинку сиденья.

Он на дух не переносил насекомых, а сейчас перед нами вилось целое облако из этих созданий.

– Светлячки, – пожал я плечами, наблюдая за суеязящимися светящимися жучками.

И тут же нахмурился:

– Постой... откуда они взялись осенью?

– Вот и я не знаю.

Стэфан напряженно сказал:

– Они созданы с помощью магии.

Спросить «кому это понадобилось» и «для чего» я не успел, так как ответ пришел почти мгновенно. Серебристый росчерк прилетел издали, разрезал ночь и врезался в извозчика, который тут же мешком повалился на землю.

Лошади испуганно остановились, а мы с Талером, не сговариваясь, выпрыгнули из коляски и спрятались за деревьями по разные стороны дороги.

– Однако на грабеж это не слишком похоже, – Стэфан, на удивление, был спокоен.

Анхель тоже собралась и готовилась к действиям. Что же – если стрелявшему хватит ума пойти врукопашную, у нее появится шанс повоевать. Я, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце, посмотрел на труп возницы и выглянул из-за ствола. Почти сразу же рядом с лицом в древесную кору ударила пуля, и я отшатнулся назад.

– Спаси Всеединый! – весь налет спокойствия мигом слетел с моей трости. – Ты что, сдурел, голову высовывать?!

Препираться с ним не было ни времени, ни желания. Облако светляков дрогнуло и разделилось на две части. Одна поползла туда, где спрятался Талер, другая повисла у меня над головой, источая зеленоватый свет и прогоняя скрывающую меня темень.

Я скрипнул зубами:

– Талер! – тихо позвал я.

– Ну? – с придыханием ответил он.

– Сейчас буду у тебя. Не стреляй. Я в Облике.

– Угу.

Я принял Облик и быстро перебежал дорогу. Талер, держащий в каждой руке по револьверу, барабаны которых мерцали рубиновым, подвинулся, освобождая мне место:

– Оказывается, твоя невидимость годится хоть для чего-то, кроме студенческих шалостей.

Кривая усмешка пробежала по худому лицу моего друга. Доставшийся мне Облик – это его отсутствие. Ровно шесть секунд полной невидимости. Ужасно мало, на первый взгляд, но иногда этого бывает достаточно. Особенно в драке, когда даже самая малость может склонить чашу весов в твою пользу. Так уже бывало, и не раз.

– Они нас подсвечивают, – у Талера было большое желание расстрелять барабаны в насекомых.

– Но их можно обмануть. Как и стрелка.

Тот не заметил смену моей позиции, а волшебные светлячки так и вовсе впали в ступор, не понимая, куда я исчез, и остались висеть над пустым местом.

– Их двое, – возразил Талер. – Или же он один, но все время перемещается. Дерьмо скангеров! Где эти жандармы, когда они так нужны?!

Я думал об испачканных осенней грязью туфлях, одновременно размышляя, как быть дальше.

– Эй! Лучэр! – донесся едва слышный крик. – Скажи нам, где девчонка, и мы от тебя отстанем! Или же в следующую нашу встречу, пуля найдет твою голову! Подумай над этим!

– О-о-о! – протянул Талер. – Так это какие-то твои знакомые?

Не дожидаясь ответа, он отважно высунулся из-за дерева и трижды выстрелил. Дубовая роща и дорога озарились рубиновыми вспышками, а ответная пуля пробила его вельветовую шляпу, сбив ее с головы.

– Один готов, – по-собачьи ухмыляясь, сказал он, с сожалением ощупывая поднятую шляпу.

Эта была его любимой.

– Ты уверен? Ведь стрелял практически вслепую, – удивился я, успокаивая рвущуюся в бой Анхель и не слушая верещаний Стэфана о «разумной осторожности».

– А то! – он был очень доволен собой. – Вторая пуля во что-то попала. И это было явно не дерево.

Я помню, что слух у него такой же, как у мяурров и завью. Порой мне кажется, что Талер способен в грохоте фабричных станков различить звук мушиных крылышек.

– Мы не можем стоять здесь вечно! – сказал Стэфан. – Если у них только хватит мозгов нас обойти...

Дальше он продолжать не стал, предоставив мне самому сделать выводы.

– Дай мне пистолет, – сказал я.

Талер, ничего не спрашивая, убрал свой револьвер в карман плаща и вытащил из-за пазухи пузатого короткоствольного уродца. Протянул мне:

– В барабане пять обычных пуль. Осторожно со спусковым крючком – очень чувствителен.

Я кивнул, с неохотой снял плащ, думая не о том, как избежать пули, а о том, как не испачкать смокинг перед встречей с Катариной.

– Собираешься воспользоваться Обликом?

– Готовлюсь к этому.

У каждого лучэра свои отношения с его Обликом. Мой, как я уже говорил, держится всего шесть секунд, и чтобы принять его вновь следует прождать чуть больше минуты.

– Не высовывайся, – на всякий случай предупредил я приятеля. – И не пали, куда ни попадай. Мне мой смокинг еще дорог. Я позову тебя, как только все проверю.

– Хорошо. Осторожнее.

– Тот, в кого ты попал, был справа или слева от дороги?

– На той стороне.

Я кивнул, отдал ему недовольного Стэфана, взял в левую руку Анхель и, приняв Облик, быстро двинулся вперед. За имеющиеся у меня секунды, я преодолел достаточное расстояние и спрятался за очередным деревом. Посмотрел назад – как я и думал, бледное пятно света от светлячков так и осталось висеть над Талером.

Эмоции Анхель предупреждали меня о том, что в рукаве у изначального мага могут быть и более серьезные фокусы. Я, помня встречу в поезде, прекрасно это знал. Нет никаких сомнений – это те же люди, что бесцеремонно ворвались в мое купе в «Девятом Скором».

Думая об этом, я медленно продвигался вперед, стараясь держаться за деревьями и не шуметь. Последнее оказалось очень непросто. Листья под ногами то и дело предательски шуршали. Ладонь, удерживающая пистолет, стала влажной. Даже уверенный в том, что стрелявший не знает, что я продвигаюсь к нему, я каждую секунду ожидал услышать гром выстрела.

Один раз нервы не выдержали, мне послышался шорох справа, и я принял Облик, шарахнувшись в ту сторону и держа Анхель наготове. Но там никого не оказалось, я остановился, прислушался к ветру, затем прошел вперед еще немного, вплотную подобравшись к дороге. И здесь, на одном из деревьев, обнаружил прекрасную древесную развилку, куда можно было положить ствол тяжелого ружья, чтобы хорошо прицелиться. Стрелка, конечно, уже не было и, к сожалению, оказалось слишком темно, чтобы понять, остались ли на земле какие-нибудь следы.

Я проявил осторожность, дождался, когда вновь можно будет воспользоваться Обликом, перебежал дорогу и, оказавшись на противоположной стороне, почти сразу же наткнулся на брошенное ружье.

Но расслабляться было рано, поэтому я постарался исследовать как можно больше территории, пока не убедился, что опасность миновала. Мой нож был того же мнения – неизвестные ушли, отчего-то оставив оружие.

Я окликнул Талера. Он подошел в сопровождении светляков, вернул мне Стэфана, склонился над землей:

– Шальная пуля, если честно, – неохотно признался он. – Я его ранил. Видишь кровь? Оба, как я понимаю, убрались от греха подальше.

– С учетом того, что в нас нет дырок, так и произошло.

– Что-нибудь хочешь мне рассказать? – он забрал у меня свой пистолет, сунул его за пазуху.

– От смазливой девки из поезда одни лишь неприятности! – возмутился Стэфан.

– Расскажу чуть позже. Думаю, сейчас нам стоит уйти как можно дальше. Пока кто-нибудь не подъехал, или жандармы не появились.

– Нарушим наш гражданский долг? – усмехнулся Талер, подняв с земли ружье убитого и с интересом его разглядывая. – Пожалуй, это разумно. Мы и так опоздали. Катарина вряд ли будет в восторге.

– Нам повезло, что они промахнулись.

– По коляске? Из этого? – он кивнул на ружье. – Не думаю. Это «Лайтнер-200» – очень точная штука. И дальнобойная. Скажу даже больше – вышла ограниченной серией исключительно для одного пехотного полка и гвардии Князя. На черном рынке это оружие практически не появлялось. Стоит целую кучу фартов. Промахнуться из него, особенно с таким прицелом, да еще с такого расстояния – очень сложно. Да еще когда у тебя над головой эта светящаяся дрянь. Так что они попали туда, куда хотели.

– Это было всего лишь предупреждение, Тиль, – сказал Стэфан.

Анхель разделяла его мнение.

– А то я не догадался, – буркнул я.

– Я не знаю, кому ты перебежал дорогу, Пересмешник, но это очень серьезные ребята, раз с ними маг и такие штуки, – Талер с сожалением бросил ружье на землю.

Мне ничего не оставалось, как кивнуть. Могу только гадать, зачем Эрин понадобилась этим людям. Но явно не для того, чтобы отвести ее под венец.

Глава 6

Прием у Катарины

– Слушай, перестань, – из-за отсутствия шляпы и поднявшегося ветра непослушные волосы Талера растрепались и перепутались. Теперь он на ходу пытался привести их в порядок и не отстать от меня. – Рапгар, конечно, огромен, но лучэров не тысячи. Достаточно лишь проверить списки пассажиров поезда, а их, уверяю тебя, жандармы написали, и дело в шляпе. Проклятье! И надо было им подстрелить мою любимую шляпу! Я на нее шесть фартов угрохал!

– А теперь угрохали ее. Оставь. Куплю тебе новую. В качестве подарка.

Я рассказал другу об Эрин, и теперь его вьедливый разум строил теории. Каждая следующая была хуже предыдущей.

– То есть ты хочешь сказать, что эти умники забрались в Скваген-жолыц... – с усмешкой начал я, но он меня перебил.

– Совершенно необязательно. Можно было подкупить одного из тех, кто был на станции. С другой стороны, если у них в руках был «Лайтнер-200» с полуавтоматической подачей патронов, с которым они расстались без всякого сожаления, потому что эта штука слишком тяжела для бега, то им ничего не стоило и в Скваген-жолыц войти. И не только войти, но и выйти. Потому что люди, покупающие такие игрушки лишь для того, чтобы припугнуть, найдут деньги и для других целей.

У Талера есть еще один конек, кроме оружия. Теория заговора. Слава Всеединому, он редко забирается на эту лошадь, но если уж залезет, то из седла его выбить не так-то просто. Помню, еще в университете он горячо уверял меня, что Князя уже давно нет в живых, и всем заправляет Палата Семи. Как-то я рассказал об этом разговоре дядюшке. Он хохотал так, что то и дело менял Облик, а затем сжал кулак и поднес его к моему носу:

– Вот где мы у Князя, племянник. В кулаке! Каждый из Семи!

Талер придерживался своего мнения, впрочем, спустя какое-то время он сменил теорию на диаметрально-противоположную. За время нашего знакомства таких идей у него было больше, чем зубов в пасти тру-тру.

– А уж узнав, кто ты, найти тебя не представляло никакой сложности. Личность ты известная...

Я в ответ болезненно поморщился. Подобные «комплименты» мне никогда не нравились.

– А то, что они организовали засаду на дороге... – Талер поежился от ветра и сгорбился еще сильнее. – Ну, зная, где ты живешь и куда едешь, много ума не надо, чтобы вычислить дорогу. Я бы тоже там ждал.

– Я не считаю этих господ настолько всесильными, чтобы они знали о вечере Катарины и о том, что я там буду.

– Ну и зря! – опечалился он, оглядывая пустую улицу в поисках извозчика. – Информация всегда лежит на поверхности, главное видеть, где ее подобрать. Кто был в курсе, что ты туда поедешь? Ну, во-первых я, – он глупо хихикнул. – Во-вторых, слуги. В-третьих, домашние Катарины. В-четвертых, все остальные, кто знает, что ты ни за что не пропустишь это празднество.

Мы, наконец, увидели закрытую повозку, медленно ползущую по параллельной улице. Догнали ее, я назвал адрес, и через пятнадцать минут мы уже стояли возле особняка Катарины.

У ее мужа огромный и прекрасный дом с внушительным участком леса и пристанью на морском берегу. Господин Гальвирир, как и я, не слишком жалуется Золотые поля, поэтому и обосновался именно здесь, хотя мог жить хоть в Небесах, по соседству с Данте, благо и денег, и власти ему не занимать.

Белый трехэтажный дворец был освещен огнями. С открытой веранды, где в жаровнях пылало пламя, доносилась мелодия симфонического оркестра. Судя по всему, если мы и опоздали, то ненамного – к воротам до сих пор подъезжали экипажи. Мы вышли, и Талер, несмотря на мои отчаянные возражения, расплатился.

– Давай войдем не через парадный? – он шмыгнул носом и стал похож на того забитого нескладного парня, которого я знал еще в университете. – Ты не против?

– Это неприлично! – возразил Стэфан. – Гостей должны встречать хозяева!

– Успокойся! – одернул я амниса. – Катарина и Рисах нас, разумеется, простят. Это не такой уж и страшный проступок. Идем.

Талер благодарно кивнул и поспешил первым. Я двинулся за ним.

Мой друг до сих пор чувствует себя не в своей тарелке, приходя на такие приемы. Общество высшего света его сильно тяготит. Талер не может похвастать ни благородной кровью, ни положением, ни огромными деньгами. Он обычный человек, которым вход на подобные приемы заказан. Такие могут лишь смотреть на все это со стороны, сквозь решетку забора, но никак не входить в залы, где хлещет шампанское, дорогое вино, на серебряных тарелках лежат деликатесы из дальних колоний, а наряженные в вечерние платья дамы носят на шеях целые состояния.

Талер здесь лишь потому, что он один из двух близких друзей Катарины (кто второй, догадайтесь сами) и проучился с ней в университете за одной партой семь лет. Они, несмотря на разное положение в обществе, заботились друг о друге, словно родные брат с сестрой, и были не разлей вода. И теперь, спустя годы, двери дома Кат всегда открыты для него.

Мой друг не любит акцентировать внимание на своей персоне. У большинства из присутствующих здесь хватает чувства такта не смотреть на худого человека в нелепом плаще так, словно тот – заглянувший на огонек митмакем. Но не все любезные господа хорошо воспитаны, и Талер, ненавидящий подобное отношение, вместо того чтобы взяться за пистолеты, сжимался и старался стать еще более незаметным, чем сейчас.

Мы зашли через восточное крыльцо, где вдыхал ночной аромат моря один из охранников Гальвирров. Заметив нас, он подобрался, затем узнал и поклонился:

– Доброй ночи, чэр. Доброй ночи, господин.

Мы ответили тем же и прошли в предупредительно распахнутую дверь. Прислуга у Катарины вышколена до высочайшей степени. Не успели мы оказаться внутри, а одному из трех дворецких огромного дома уже было об этом известно. Он тут же очутился рядом и поклонился:

– Позвольте ваши плащи и... – дворецкий замешкался, увидев голову Талера непокрытой. – Шляпу.

Слуга помог нам раздеться, забрал верхнюю одежду, мою шляпу и трость. Стэфан, пребывавший в дурном настроении и хотевший спать, ничуть не возражал.

– Спасибо, Вэйверли, – поблагодарил я дворецкого.

Тот остался доволен, что его имя помнят.

– Осторожно, – попросил Талер слугу. – Там пистолеты.

– Как я могу забыть, господин? – невозмутимо произнес Вэйверли. – С вашего позволения, я сообщу хозяевам о вашем приходе.

– Это будет очень любезно с вашей стороны, – сказал я, оглядывая ярко освещенный зал.

Огромные хрустальные люстры отражали электрический свет и казались выточенными из бриллиантов. Люди ходили по просторному залу, останавливались, здоровались друг с другом, общались. Оркестр играл «Шестую симфонию Рапагара».

Под плащом моего друга оказался вполне приличный смокинг, так что, не удержавшись, я поднял бровь. Он заметил мое удивление и неловко улыбнулся:

– Взял напрокат на этот вечер.

– А попросить у меня не мог? – покачал я головой. – Купить его было не проблема.

– Он мне нужен лишь на один вечер. Зачем тратить деньги? Если тебе их некуда деть, то дай в долг. Я присмотрел у одного коллекционера отличный двухзарядный «Болтсс» прошлого века.

Я закатил глаза и покачал головой. Горбатого могила исправит.

– О! Кат! – Талер от избытка чувств помахал рукой.

Мне иногда кажется, что он относится к ней совсем не по-братски, но успешно это скрывает.

Катарина шла к нам со стороны огромного банкетного зала. Со времени нашей учебы, она немного располнела, а ее глаза перестали быть наивными и все чаще казались усталыми, но улыбалась она также искренне и приветливо. Высокая, статная шатенка в прекрасном дорогом вечернем платье и очаровательной шляпке со страусиным пером...

– Ни слова Катарине о случившемся, – прошептал я, отвечая на ее улыбку.

Талер обиженно хмыкнул, словно я посмел заподозрить его в предательстве.

– Тиль, Талер, как я рада, что вы пришли!

От нее восхитительно и едва ощутимо пахло иланг-илангом и жасмином. Катарина – консерватор – и не изменила своим любимым духам за все прошедшие годы. Она протянула руку для поцелуя, я едва заметно коснулся ее губами. Талер сделал то же самое, немного покраснев.

– Ты, как всегда обворожительна, Кат, – искренне сказал я.

Она тихо рассмеялась и покачала головой:

– Уже не так, как раньше. Прежде я могла остановить драку в Старом парке между нашими и Маркалыштуком одним движением брови.

– Думаю, тебе подвластно это и сейчас, – улыбнулся Талер, немного нервно поглядывая по сторонам.

– В какую историю вы опять влипли? – ее глаза вдруг прищурились.

– С чего ты так решила? – невинно поинтересовался я.

Она взяла нас под руки и, не спеша, пошла вперед, к гостям, свету, музыке и льющемуся шампанскому.

– Как будто я не знаю вас, мальчики! К тому же это выглядит достаточно странно, – она ткнула пальчиком в плечо Талера. – Ты не мог бы избавиться от этого, мой друг? Иначе госпожа Алинкат вновь хлопнется в обморок. Она до смерти боится насекомых.

Талер посмотрел на свое плечо, увидел там светлячка, последнего из тех, что вредили нам в роще, тихо выругался, смахнул его на пол и раздавил подошвой.

– Так что произошло?

– Ничего, стоящего твоего внимания в такой замечательный день! – рассмеялся я. – Позволь нам с Талером поздравить и тебя и Рисаха со столь знаменательной датой.

Я протянул ей маленькую перламутровую коробочку:

– Это от нас с Талером.

Тому хватило ума скорчить соответствующую случаю вежливую мину.

– Вам, право, не стоило... – сказала хозяйка великолепного дома, распахивая крышку, и на мгновение задохнулась от восхищения, услышав рокот моря:

– Всеединый! – ахнула она, округлив глаза. – Поющая жемчужина Кунгуни! Рисах пытался достать ее целых два года! Это же величайшая редкость! Где вы ее умудрились найти?!

– М-м-м... – загадочно промычал Талер.

– Для нас это была пара пустяков, – скромно улыбнулся я.

Разумеется, достать эту штуку для Катарины было совсем не пустяком, пришлось побегать, но теперь я наслаждался произведенным эффектом. Я помню, что она, обожающая море и воду, очень хотела получить в семью подобную безделушку. Мало того, что шумит приятно, так еще и для здоровья полезна. Такие штуки кидают в ванну, и они превращают обычную

воду в целебную. Говорят, поющие жемчужины очень полезны для кожи. Богатые леди с ног сбиваются, чтобы добыть для себя всего одну и сохранить молодость.

– Знаю, какая это «пара пустяков», – она вернула нам улыбку и захлопнула крышку. – Прошу меня простить, стоит уделить внимание другим гостям. Я скоро вернусь, а пока пришлю Рисаха. Он отдувается за нас двоих возле парадного входа. Очень рада, что вы в этот вечер со мной.

Еще раз лучезарно улыбнувшись, она, едва слышно шурша юбками, величественно уплыла, по пути тепло здороваясь с гостями и оставив с нами аромат своих духов.

– Мог бы и предупредить заранее насчет подарка, – пробурчал Талер, проводив ее взглядом. – Я выглядел идиотом.

– Вовсе нет.

– Не думал, что нужно дарить подарок, – обреченно вздохнул он.

– Ну, обычно это прилично, особенно, если юбилей свадьбы, – серьезно отозвался я.

Он кивнул, потоптался на месте и сказал:

– Слушай, я голоден, как тру-тру. Вроде в зимнем саду накрыты столы для фуршета. Ты не против, если я тебя на какое-то время оставлю?

– Конечно. Только учти, что еще будет ужин для самых близких гостей. Смотри не набивай живот.

– Боюсь, что ужина я не дождусь, – виновато произнес Талер, понизив голос. – Скоро ночное заседание стрелкового клуба «Паровая пуля». Не хочу пропускать.

– Ну, объясняться с Катариной тебе, а не мне, – я едва заметно кивнул проходящему мимо знакомому.

Талер прочистил горло и осторожно сказал:

– На самом деле, в этом вопросе я рассчитывал на тебя. Понимаю, что без прощания уходить невежливо, но ты же знаешь Кат...

Я вздохнул:

– Ладно, Стрелок. На что еще нужны друзья?

Он ухмыльнулся, хлопнул меня по плечу и, немного ссутулившись, поспешил заглушать урчащий желудок. Я медленно прошел вдоль стены, изучая картины, которые и так знал наизусть. Здесь меня и поймал стюард, но я лишь покачал головой. Ни аперитива, ни шампанского не хотелось. Алкоголь, даже в маленьких количествах, притупляет разум, а когда ныряешь в бассейн, в котором плавают акулы, надо держать ухо востро.

Все еще продолжая держаться особняком, я рассматривал входящих в зал гостей, негромко беседующие между собой группки людей, и тех, кто, не задерживаясь, шел дальше – в банкетный зал, в зимний сад, на веранду или в комнаты для азартных игр.

Муж Катарини, как и она, человек, но его должность и влияние были таковыми, что к нему в дом не гнушались приезжать самые высокопоставленные, известные, успешные и популярные жители Рапгара, включая лучэров из древних и уважаемых семейств.

Некоторые из тех, что были здесь, ненавидели меня. Другие искренне боялись. А потому тоже ненавидели. Но большинство относилось ко мне со странной смесью любопытства, сожаления и... равнодушия. В этом все наше высшее общество – им плевать на тебя до тех пор, пока ты не появишься рядом. Только после этого тебя вспомнят, и ты станешь для них интересной персоной на несколько жалких минут. А затем тебя снова забудут.

Наш свет заостенел в равнодушии, которое нельзя разбить никаким молотом. Все, что интересует почти каждого из находящихся здесь – это он сам. Все остальные могут гореть в Изначальном огне хоть до второго пришествия Всеединого.

Но мне грех жаловаться. Я бы вряд ли сдержался, если бы эти господа встречали меня с распростертыми объятьями. Меня, чего доброго, стошнило бы прямо на их дорогие смокинги.

Восемь слуг в нежно-голубых ливреях, украшенных золотой вышивкой и крупными аметистовыми пуговицами, ввезли в помещение огромный круглый аквариум. Тяжеленный поддон был заполнен какими-то цилиндрами, крутящимися шестеренками и мигающими огоньками. Рядом с колесами мирно гудел генератор.

В воде, в окружении многочисленных поднимающихся со дна пузырьков, наполовину высунувшись из емкости, восседал дьюгонь. Я тихо рассмеялся и подошел к нему:

– Привет, Арчибальд. Ты все-таки не утерпел и вылез из своего золотого бассейна?

Он близоручко посмотрел на меня заплывшими глазками, потянул носом воздух, встопорщил жесткие длинные сомы усы и, наконец, узнал:

– А-а-а... эр'Картия... Давно не виделись... Вот... Решил размяться... Не мог пропустить праздник у Гальвирров.

В горле у него, как всегда, клокотало, словно он говорил, погрузив рот в воду. Верхней частью тела дьюгони похожи на очень упитанных тюленей – лоснящаяся, вся в складках жира черная шкура. Нижняя часть больше всего напоминает туловище угря: сплюснутое с боков, с длинным плавником. Руки с перепонками, а голова вытянутая, с маленькими глазками, широким носом и двумя похожими на лопаты резцами. Эти ребята прекрасно чувствуют себя на суше, во всяком случае, достаточно проворны для того, чтобы спилить зубками пару деревьев и утащить их для своих построек. Бобры по сравнению с водной цивилизацией озера Мэллавэн – сущие дети.

– Как продвигается твое творчество? Закончил пьесу?

Он грустно булькнул, подозвал стюарда, взял с подноса сразу два бокала с мартини, одним движением влил их себе в глотку, задумчиво пожевал оливки и проглотил их вместе с косточками.

– У меня творческий кризис, мой... друг. Из-за бытовых проблем не могу писать... вот уже месяц. А публика ждет...

Арчибальд – белая ворона среди своего племени. Но очень богатая белая ворона. Он – лучший драматург в Рапгаре, и его творения пользуются бешеной популярностью. Так что и Национальный театр, и Княжеский театр, и Дворец искусства платят ему хорошие деньги за его сочинения.

В нашем кругу не принято жаловаться на жизнь, здоровье и неурядицы. Все всегда должно быть хорошо. Неприлично утомлять людей своими проблемами. Но у дьюгоня, взявшего человеческий псевдоним, было совершенно иное мнение на этот счет. Сколько мы знакомы – он всегда любил понять, особенно если есть благодарный слушатель.

– Моя подруга вновь хочет мальков... и я не могу ее убедить, что это плохо... скажется на моей карьере. Опять придется перетаскивать... икринки туда-сюда, – он схватил очередной бокал, на этот раз с шампанским. – Солнца побольше, соли поменьше... направь на них течение, дорогой... не сопи, не плавай быстро... прекрати пить алкоголь, это портит воду... Вы ведь знаете этих женщин, эр'Картия! – он обреченно махнул рукой. – Совсем с ума сходят... как только появляется потомство. Куда ей еще детей?! У нас их и так уже... четырнадцать. Или... пятнадцать?... И все... бездарности. Ни у одного нет интереса к... театру.

Я вежливо улыбнулся. Арчибальд влил в пасть шампанское, подержал его во рту, оценивая вкус, и всколыхнул волну в аквариуме:

– Я известная творческая личность, эр'Картия... но мне суждено было родиться дьюгоном... что толку в популярности, славе... успехе и богатстве... если нет полноценного гражданства? С ограниченным я все равно что бесправен...

– Ну, полно, – укорил его.

– Вам легко говорить, – Арчибальд зачерпнул бокалом воду из аквариума и меланхолично вылил ее обратно. – Только представьте... какое унижение испытывает такая грандиозная... творческая личность... как я. Лучэры, рожденные в Рапгаре люди, мяурры, пикли, тро-

паеллы и даже эти... ка-га с хаппелмами и махорами! – его белые усы гневно задрожали. – Получают такое право если не с рождения, то за заслуги! А здесь... несешь свет настоящего искусства... в этот город... А в ответ – дьюгони, ограниченные в правах. Вы знаете, какой налог приходится мне платить?! Фарты... придут и уйдут... и Всеединый с ними! Но... что я оставляю своим детям после себя, кроме памяти о... моем грандиозном таланте и гении?! У них даже не будет наследного права быть... полноправными гражданами в Рапгаре!

Я сокрушенно цокнул языком:

– Ты не пробовал напрямую обратиться в Комитет по гражданству? Ты ведь не последняя личность среди деятелей искусства.

– А что толку? – уныло спросил он, проводив взглядом даму в платье с открытой спиной. – Комитет по гражданству... напрямую подчиняется мэру. А я, когда был молод и глуп... высмеял его, пока он еще служил в Городском совете... и никто не думал, что прежнего мэра убьют... теперь расплачиваюсь.

От огорчения дьюгонь погрузился с головой, выпустил пузыри, всплыл и влажной рукой вальяжно поманил к себе метрдотеля.

– Бутылку мартини, голубчик! Времена наступают... суровые, эр'Картия. Просить что у мэра, что у... Комитета – бесполезное занятие. Дьюгони после... истории с плотиной... у городских властей на плохом счету. Но нельзя же всех мерить одной... одной паровой линейкой... целый народ! Такие таланты... как я... не должны страдать из-за темного... образования рабочего люда Плотины! Это же парадокс! Спасибо, голубчик.

Он присосался к горлышку бутылки, громко похрюкивая и помахивая лапой какому-то своему знакомому. Ясно, что он здесь делает. Пришел к Рисаху. Тот способен поговорить и с мэром, и с представителями Комитета. И не только поговорить. Он может заставить себя услышать. Муж Катарины – ближайший советник Князя по финансам и ходит у главы государства в больших любимчиках.

– Кстати говоря, эр'Картия! – прохлюпал губами дьюгонь. – Я слышал вы... с Мьякой больше не вместе?

– Как быстро частная жизнь становится общественной, – холодно сказал я.

– Да перестаньте! – фыркнул он так, что тысячи мелких капелек вылетели из его носа, счастливым образом миновав мою одежду. – В творческой среде основная пища... это сплетни. Все друг про друга всё знают...

Он вновь погрузился в воду, утянув с собой на дно наполовину опустошенную бутылку мартини. Анхель посоветовала мне поискать иного собеседника. Почти тут же представилась такая возможность.

– Чэр, эр'Картия. Добрый вечер, – раздался позади меня голос.

Я обернулся, небрежно кивнул малознакомому молодому лучэру, которого я встретил на приеме у Зинтринов, пытаюсь вспомнить его имя. Это удалось:

– Чэр, эр'Рапи. Здравствуйте.

Его черные глаза обратились на аквариум:

– Мне, право, неловко вас об этом просить, но не могли бы вы меня представить Арчибальду? Я поклонник его пьес с самого детства.

– Думаю, это можно устроить.

Дьюгонь как раз вынырнул, оставив бутылку в пучинах своей пузырящейся ванны.

– Арчибальд, – сказал я. – Позволь представить тебе юного чэра эр'Рапи. Он большой любитель театра и твоего таланта. Чэр эр'Рапи, это – знаменитый Арчибальд.

– Правда?! – оживился водоплавающий боров, его усы встопорщились, а сам он перевалялся через край аквариума, протянув лапу для рукопожатия и едва не перевернув всю конструкцию. – И какая же пьеса... у вас самая любимая?

– «Любовь розы в лунном свете», – заворожено сказал молодой человек. – Она также прекрасна, как «Мяурр-торгаш».

– Ого! – воскликнул на весь зал Арчибальд. – А вы, и вправду, большой ценитель... настоящего искусства!

Я не стал слушать их беседу, откланялся и пошел прочь, любезно здороваясь с теми, кто не отводит глаза. Откровенно говоря, я скучал, но продолжал смотреть по сторонам, пытаюсь поймать взгляд каждого и, быть может, прочесть в нем то, чего мне так хотелось.

Анхель сочла это бесполезной тратой времени. Если тот, кто все это сделал со мной, здесь, я никогда этого не узнаю.

– Порой ты хуже Стэфана, – сказал я ей.

Она «вздыхнула» и замолчала.

Три немолодые дамы, что стояли возле входа на балкон, обсуждали Ночного Мясника, обмахивая себя внушительными веерами. Одна из них, пожилая, похожая на обвешанную бриллиантами воблу, переживала, что это дикое чудовище может забраться к ней через окно. Вторая леди согласно закатывала глаза, тогда как третья, курящая трубку, грубо оборвала первую:

– Перестань нести чушь, Агата! Скажи на милость, на кой ты сдалась кровавому ублюдку?! Он найдет себе мясо посвежее твоего!

Агата довольно глупо хихикнула, прикрыв лошадиные зубы веером.

– Мне кажется, это заговор, – сказала вторая мадам, толстощекая, с неприличным вырезом и атласной лентой на шее.

Анхель с раздражением подумала, что, кажется, никто больше ни о чем и думать не может, кроме как о сумасшедшем убийце и призрачных заговорах.

– Ты так считаешь, Мадлен? – громким шепотом произнесла Агата.

– Конечно! Это сынок мэра, помяни мое слово! Он всегда был того... со странностями! Режет людей, а папаша его прикрывает. Скваген-жольц не на стороне горожан, а на стороне власти.

– Помолчите! Обе! – рассвирепела женщина с трубкой и, наклонившись к ним, прошипела:

– Хватит привлекать внимание пустыми разговорами!

Тут они заметили меня, и их спины стали такими прямыми, словно женщин заставили проглотить палки. Госпожа Мадлен опустила голову так, чтобы я не видел ее лица за широкими полями шляпки и перьями, госпожа Агата отвернулась, и лишь неизвестная мне по имени дама с трубкой, ответила на мое приветствие холодным кивком.

Когда я миновал их, за спиной раздалось едва слышное «шу-шу-шу». Жаль, у меня нет слуха Талера, но уверен, что теперь не только сынок мэра претендует на почетное звание – лучший убийца года. Старым воронам, простите за столь невежливые слова в адрес почтенных дам, есть что обсудить. Чэр эр'Картиа явно не входит в их список благонадежных господ.

Я поздоровался с одним из братьев Рисаха, он пригласил меня в компанию мужчин, обсуждавших скорое начало игр на Арене. По всему выходило, что и в этом сезоне Крошка Ча разнесет машины соперников на винтики и шестеренки. Если только не появится какой-нибудь более талантливый боец или конструктор, но шансов на это мало. Так что букмекеры вряд ли потеряют денежки.

Кажется, все гости уже собрались, я увидел счастливую Катарину, дающую метрдотелю последние распоряжения. Оркестр заиграл что-то легкое и воздушное. Я огляделся в поисках Талера, не увидел его, обогнул игровую комнату, откуда доносился мужской смех и пахло сигарным дымом, и вышел на восточную веранду.

Окна были распахнуты, но холода я не почувствовал. Облокотившись на подоконник, я стал смотреть на море, на тонкий месяц, плывущий сквозь разрывы туч. Ночь прекрасна,

а жизнь странная штука. Маленький сцелин то падает на ребро, и ты на многие годы зависаешь над бездной, летишь в нее, то внезапно показывает тебе «Князя» или «Пламя»,²³ позволяя вернуться в обычную жизнь, где тебя ждут волны, желтые листья и теплый весенний дождь.

Иногда мне начинает казаться, что лишь стоит закрыть глаза, и все это исчезнет. Не будет ни дорогих костюмов, ни оркестра, играющего «Бирюзовую радугу», ни приглушенного смеха, ни запаха осени, ни друзей, ни... жизни. Не будет ничего, кроме пылающей печати, на которой изображены лотос и цапля, запаха тлена и тихих шорохов за стеной.

От мысли, что мне все снится, что это только сон, а я все еще *там*, меня пробирает озноб. Я боюсь этого даже сильнее, чем бездарно потраченных дней своей жизни, за время которых я так и не смогу найти ответ кто, почему и зачем это со мной сделал. В такие моменты, когда волна ужаса, словно Белый шквал накатывает на меня, следует побыть одному и подышать свежим воздухом. Надо *поверить*, что я все еще жив. Что я все еще существую.

Иногда сделать это не так уж и просто.

Я почувствовал движение, отвлекся от созерцания ночи и увидел женщину. Она стояла на противоположном конце веранды, стояла как видно уже давно, и я не заметил ее лишь потому, что она оказалась скрыта полумраком и не двигалась. Кажется, не только мне нравится быть в одиночестве.

Я выпрямился и вежливо поклонился. Она поколебалась, внимательно посмотрела на меня, затем едва заметно склонила голову, отвечая на приветствие, и крупный изумруд сверкнул на ее прекрасной шее. Женщина направилась в зал, едва слышно шелестя широкой юбкой. Я успел лишь заметить, что платье у нее черное, под стать волосам, а она сама, насколько это позволяло понять приглушенное освещение, молода, очень красива, но лицо у нее печально.

Я, проводил ее взглядом, постоял еще немного и увидел, как на веранду входит другая женщина. Та, встретить которую я бы хотел лишь в гробу. Чэра Фиона эр'Бархен собственной персоной.

– Чэр эр'Картиа, – у нее была гнусная привычка растягивать гласные, а милая улыбка не вязалась с алыми глазами, глядящими на тебя из-под квадратных очков. Казалось, что этот взгляд может вынуть из тебя саму душу. – Я не рассчитывала застать здесь вас.

Возможно, она лгала, и эта беседа не случайна. А быть может, в ее словах нет обмана. Анхель была напугана, а это состояние для нее достаточно редкое. И одновременно кипела от ярости. Перед нею был Бич Амнисов, та, что раньше подчиняла себе таких, как Анхель.

– «Вот уж где ненависть, – отстраненно подумал я. – Не чета моей».

Одна из Палаты Семи протянула мне руку для поцелуя, и на ее пальце матово блеснул черный оникс. Я проявил вежливость и даже сказал:

– Чэра эр'Бархен, вы оказываете мне честь.

Иногда я сам себя не узнаю, таким лицемером становлюсь. Ведь всего лишь два года назад мне хотелось лишь одного – всадить ей пулю в голову. А теперь «искренне» улыбаюсь и остаюсь вежливым.

Старушке Фионе чуть больше ста семидесяти, но выглядит она всего на сорок. Очень моложавая, очень ухоженная, прекрасно следящая за собой женщина в полном расцвете сил. Я не рискну назвать ее красавицей – слишком большие глаза, слишком худое лицо, слишком капризные губы. Ее волосы – соль и перец – аккуратно спрятаны под очаровательным бархатным беретом, и видна лишь одна прядь над левым ухом.

– Как поживает ваш замечательный дядюшка, чэр эр'Картиа?

– Прекрасно, – сказал я.

²³ После последней денежной реформы на одной стороне сцелина чеканят профиль Князя, на другой – стилизованное Изначальное пламя.

– Передайте ему привет, – она улыбнулась. – С его уходом от нас жизнь стала более... тусклой.

– Я бы осмелился вас поправить, чэра. Скорее всего, с тех пор, как он оставил Палату, жизнь стала более спокойной и простой.

У нее оказался очень приятный и мелодичный смех. И ей было над чем посмеяться – когда у тебя есть враг, с которым сражаешься без малого век, а затем он проигрывает из-за глупости родственника-мальчишки, это хорошо.

– И все-таки, Тиль, я ведь могу вас так называть? И все-таки, Тиль, она стала тусклой, пусть и более спокойной. Пропала острота соперничества. Полагаю, ваш дядя думает то же самое.

Возможно, так и есть, но мне это неизвестно.

– Неужели вы, любезная чэра, жалеете о прежних временах?

Ее глаза за стеклами очков прищурились, она явно услышала скрытый подтекст фразы:

– Я никогда и ни о чем не жалею, мой милый мальчик. И даже в вашей истории руководства не враждой с вашим дядей, а буквой закона и интересом государства.

– Я ни на миг не сомневался в этом, чэра, – я лгал, как дышал, и не чувствовал от этого никаких угрызений совести.

Анхель рычала. Она бы с радостью убила хитрую гадину, вместе со своими сторонниками обрешую меня на «новую жизнь».

– Ваш амнис очень эмоционален, – чэра Фиона, разумеется, не знала, чего хочет Анхель, но прекрасно чувствовала ее. – С учетом того, что у вас нет при себе трости, полагаю, это нож? Я прекрасно помню его. Несколько дюймов отличной стали и невыносимый характер.

Мне показалось, что ножны мелко завибрировали от ярости.

– Это вы создали его? – вопреки всему, я заинтересовался.

– Мой учитель. Он был куда лучшим магом, чем я. Амниса обуздали по заказу вашего предка, – она вздохнула. – Раньше, когда закон Князя еще не запрещал этой области магии развиваться, и создание амнисов не было взято под жесткий контроль государства, из рук волшебников выходили настоящие шедевры.

Анхель не желала быть шедевром. Она жаждала крови, и мне пришлось приказать ей взять себя в руки.

– Я знаю вашу позицию насчет создания новых амнисов, – кивнул я. – Газеты неоднократно об этом писали.

– Вы не разделяете такой взгляд? – она по-птичьи склонила голову, и в этом жесте читалась скрытая насмешка.

Я покачал головой:

– Мое отношение к магии нейтральное, чэра. Впрочем, как и к развивающимся технологиям. В том смысле, что я не считаю, будто одно обязательно должно довлеть над другим.

– Я удивлена, – в ее глазах появилось нечто, похожее на проблеск интереса. – Ваш дядя был иного мнения и убедил Князя принять несколько не слишком популярных среди магов законов. В том числе и о запрете создания новых амнисов.

Она предложила мне сесть возле столика, где горели высокие пальмовые свечи. Я отодвинул стул, кланя почем свет эту госпожу, и дождавшись, когда она усядется, сел напротив.

– Лучэры веками пользовались помощью амнисов и магов. Я не вижу в этом особого вреда. Мир не рухнул в Изначальное пламя, Двухвостая кошка не пришла за нами, и жизнь продолжилась как раньше. Но, к сожалению, в первую очередь вашему сожалению, волшебство не способно дать то, что мы получаем от пара и электричества. Вы и сами это видите. Мы слишком сильно полагались на помощь потусторонних существ и заклинания, а то, что дал нам Все-единый, давно забылось. Остались лишь крохи, и наша цивилизация остановилась в развитии.

– И поэтому технологиям решили дать шанс, – горько сказала Фиона, ее глаза смотрели на меня, но не видели.

– И вы не будете отрицать, что за сто прошедших лет перемены с городом, страной и миром произошли разительные.

– Не буду, – согласно кивнула она. – Но вот к добру ли это – ответить не смогу.

Конечно, любезная чэра. Для вас – не к добру. Такие, как вы, природные маги из влиятельных семей, потеряли слишком много власти и денег от вето, наложенного на «Закон о создании амнисов», и двенадцати поправок к законам, которые взяли магию под жесткий контроль государства.

– Некоторые артефакты были так сильны и находились в столь ненадежных и неразумных руках, что это могло привести к множеству бед, – нейтрально ответил я ей.

– К такому же количеству, как взрывчатка, эти чудовищные паровые машины и яд, что теперь портит наш воздух? – ее тонкие бесцветные брови нахмурились. – Вечная беда всех цивилизаций, вставших на новый путь и считающих, что все, что было в прошлом, опасно – гибель. А если и не гибель, то потеря жизненно важных знаний.

О да. С этим не поспоришь. Создатели амнисов, древние чудовища, от которых постепенно остаются лишь огни над могилами. Рано или поздно вы все окажетесь в Изначальном пламени, и часть искусства, над которым вы так дрожите, канет в прошлое. Хорошо это или плохо – не знаю.

– Скажите, чэр, могу ли я посмотреть вашего амниса?

– Боюсь, чэра, что это невозможно, – прохладно ответил я. – Она не желает, чтобы вы брали ее в руки.

– Она? – удивилась самая влиятельная волшебница Рапгара. – Интересно. Амнисы женского рода очень редко попадаются нам. Они гораздо сильнее мужских сущностей и вселить их в такую стабильную и жесткую субстанцию, как металл, не так-то просто. Что же, я вполне понимаю вашу служанку. Но удивлена, что вы идете у нее на поводу, Тиль. Этим созданиям следует показывать, кто в доме хозяин, иначе они обязательно выйдут из-под контроля. Это вопрос времени.

Ни я, ни Анхель не были с этим согласны, причем последняя выражала свое мнение настолько ярко, что чэра эр'Бархен опасно прищурилась. Я помнил, что она на дух не переносила, когда кто-нибудь из амнисов переставал быть к ней уважительным.

– Спасибо за совет, чэра, – поблагодарил я ее. – Но у меня с моими подопечными несколько иные отношения, чем это обычно принято в Рапгаре.

– А вы интересный лучэр, – неожиданно сказала она мне, вставая с кресла и протягивая руку. – Не такой, как другие в нашем обществе.

– Каждой личности приходится сражаться для того, чтобы ее не поглотило собственное племя, – ответил я ей.

– Кто это сказал?

– Мой амнис.

Она рассмеялась, и я вновь удивился, насколько молодой смех у этой благородной старухи:

– Благодарю вас за беседу. Мне было очень приятно узнать вас поближе.

– Взаимно, чэра.

Она оставила меня, проскользнув в зал, где гремела музыка и слышался гул голосов, а я постоял у окна еще немного, думая, к чему был этот разговор, и что действительно нужно благородной чэре.

Когда я вернулся с веранды, никаких особых изменений не произошло. Светский вечер был в самом разгаре. Мимо меня несколько стюардов провезли столики с новыми порциями холодных закусок. Я заметил икру на льду, кирусских омаров и свежие устрицы.

В дальнем конце зала, там, где собралась молодежь, рекой лилось шампанское, и слышался смех. Вокруг аквариума Арчибальда собрались истинные ценители театра, и дьюгонь, уже основательно набравшись, декламировал отрывки из своей новой, пока еще незаконченной пьесы.

Талер как сквозь землю провалился, вполне возможно, что дорвался до оружейной комнаты и теперь его оттуда сможет вытащить только Катарина. Я посмотрел по сторонам, желая отыскать незнакомку, которая так быстро покинула веранду, но не увидел ее среди гостей.

Две очаровательные девушки с легким вызывающим загаром на коже, явно только что вернувшиеся в город вместе с родителями из какой-то южной колонии, с интересом слушали лучэру средних лет с блондинистыми волосами, в которые были вплетены живые лилии. Все трое с интересом посмотрели на меня, вежливо присели в реверансах, когда я поклонился, и продолжили беседу. Я услышал краем уха:

– Этот всевидящий из района Иных вновь сказал свое черное слово. Ночной Мясник не успокоится, и следующая жертва будет известным человеком. Кто-то из тех, у кого есть власть или кто служит городу, – загадочно произнесла блондинка.

– Это может быть кто угодно, – ответила ей одна из девушек. – В Рапгаре много людей, занимающих должности.

– Я тоже склоняюсь к тому, что рано верить словам неизвестного пророка, – поддержала ее сестра. – Он может оказаться обычным шарлатаном.

– Пока все, что он говорил относительно убийцы, было правдой, – не согласилась их более старшая собеседница.

Ночной Мясник всколыхнул Рапгар. На него обратили внимание все, в том числе и власть имущие. И это при том, что ни Скваген-жолыц, ни газеты не спешат сообщать кровавые подробности. Но, несмотря на это, известность неведомого сумасшедшего растет час от часа.

Я зашел в бильярдный зал, где вокруг шести покрытых зеленым сукном столов господа загоняли шары в лузы, беседуя о последних политических новостях, финансовых потоках, предстоящих играх на Арене, конном клубе и, разумеется, Ночном Мяснике.

В комнате, где шла серьезная игра в Княжеский покер, разговоры были точно такими же, как и в других частях дома. Я хотел уйти, но заметил своего старого знакомого – господина Чирре. Он, что следует из имени, был из народа кохеттов – черноволосый, немного склонный к полноте и очень болтливый. Раньше мы частенько сидели вместе за игральным столом, и я опустошал его кошелек.

– Чэр эр'Картиа, – он энергично потряс мою руку, едва не раздавив кости своей лапшей. – Решили потряхнуть стариной?

– Я здесь случайный гость, – улыбнулся я, разглядывая тех, кто сидели за столом.

– Жаль, – искренне огорчился он. – Без вас эта игра потеряла большую долю своего азарта. Вам сопутствовала удача.

– Как обычно это в жизни бывает – везение рано или поздно заканчивается, и ты перестаешь быть счастливым судьбы.

– Это вы о том, что с вами произошло? – тут же помрачнел Чирре. – М-да-а. Лучше каждый день проигрывать в карты, чем услышать подобное решение Палаты Семи.

Он понял, что допустил бестактность, извинился и перевел разговор на игру:

– Я выбыл. Остались только сильнейшие.

За столом сидели четверо игроков. Посол Жвилья, госпожа Валентина Баух – одна из главных членов попечительского совета университета Йозефа Кулыштасса, старый полковник-мяурр с подранным левым ухом и мой «добрый друг» – старший инспектор Грей.

Зрители столпились за спинами играющих, наблюдая за партией и переговариваясь друг с другом тихим шепотом. Я оценил расклад фишек на столе:

– Мяурр – на коне.

– Последние две партии, – охотно подхватил Чирре. – Инспектору Грею сегодня весь вечер не везет. Две сотни фартов как не бывало.

– Это еще цветочки, – сказал я, наблюдая, как на миг стрельнули глаза госпожи Баух. – Эту партию он тоже проиграет, несмотря на свой самоуверенный вид.

– Вы так думаете? Почему?

– Госпоже Баух пришла карта. Если не «князья», то по крайней мере «леди». Я знаю ее манеру игры. Посмотрите. Видите, как она поменяла их местами?

– Выиграть можно и «десятками», не обязательно держать на руках картинки.

– Конечно, – не стал спорить я. – Выиграть можно и четверками, но их только что сбросили, а судя по двум черным «стражам», что ушли два хода назад, «десяток» в игре тоже уже нет. Если у любезного полковника в подушечках от когтей не припрятаны «огни Всеединого», госпожа Баух возьмет банк.

– Ваш глаз – алмаз. Уверены, что не хотите сыграть? Это было бы интересное зрелище.

– Благодарю, но сегодня не мой вечер, – сказал я.

– Испэкто', – посол Жвилья положил на стол алую «колесницу». – Вы ведь ведете это дело? Можэтэ сказать нам что-нибудь обнадеживающее по поиску жестокого убийцы? Даже в моем посольстве взволнованны пе'спективами.

– К сожалению, нет! – голос у Грея всегда был резкий, а общение грубым. – Могу лишь заверить уважаемое сообщество, что жандармы Рапгара делают все возможное и невозможное, для того, чтобы поймать преступника. Покупаю две.

– Но газеты гово'или о надписи, – продолжал держаться темы посол, сбрасывая одну из карт. – Вы в ку'се? Почему нельзя сообщить общественности п'авду?

– Газеты любят врать, – лоб инспектора разгладился, и я смекнул, что здесь не обошлось без «огня Всеединого» – это единственное, что сейчас могло бы улучшить настроение Грея. – Заверяю вас, господа, что это совершеннейшая ерунда!

– Во времена, когда каждый лжет, сказать правду, все равно, что пойти против Князя, – сказал я в тишине.

Все тут же посмотрели на меня.

– Тиль, здравствуйте, – улыбнулась госпожа Баух. – Хотите я уступлю вам свое место, и вы покажете всем нам, как следует играть в «Княжеский покер»?

– Благодарю за столь щедрое предложение, госпожа Баух. Но я привык уступать женщинам, а не наоборот, – улыбнулся я, кланяясь ей и наслаждаясь перекошенным лицом старшего инспектора. – Уверен, что вы играете ничуть не хуже, чем я.

– Все свое вы уже проиграли! – резко сказал Грей. – Что вы имели в виду, чэр, когда говорили эту фразу и отвлекали меня от игры?!

Анхель спешно предупредила, что Катарина меня убьет, но я решил подергать «мяурра за усы»:

– Всего лишь то, что, полагаю, на этот раз газеты не соврали.

– То есть считаете, что лгу я? – вскинулся он.

– Разумеется, нет. Как можно обвинять столь уважаемого господина во лжи? – изумился я, услышав несколько одобрительных смешков – неприятного человека из Скваген-жольца любили далеко не все. – Просто вы, скорее всего, не в курсе ситуации и можете чего-то не знать, в отличие от источников журналистов.

Я увидел, как мяурр поднял ставку, а госпожа Баух ее поддержала, а затем, немного подумав, удвоила к вящему разочарованию всех сидевших за столом.

– Между прочим, чэр, если вам неизвестно, то именно я веду это дело! – едва сдерживаясь, сказал инспектор. – Готов поднять еще и открыться!

– Пас, – сказал посол, бросая свои карты на стол.

– Тогда и я, и все присутствующие господа удивлены, что вы играете здесь, в уютном доме госпожи Гальвирр, а не ловите страшного убийцу на темных улицах.

Госпожа Баух громко и совершенно неестественно хихикнула, но эффект это возымело, и красный от ярости инспектор, едва стерпевший эту шпильку, практически не думая, сдвинул все фишки в центр стола:

– На все!

– Пожалуй, не в мрряуем праве так рисковать, – покачал лохматой головой старый полковник. – На этот раз я пас. Посмотрим, какие карты у вас, господа.

– «Огонь Всеединоного» и четыре «духа» – «Изначальное пламя». Если у госпожи Баух нет «князей», будьте добры подвинуть мой выигрыш, – холодно обратился Грей к крупье.

– Вы забываете, инспектор, что есть два более внушительных расклада, – сказал я, несмотря на одобрительные аплодисменты и возгласы восхищения в адрес удачной игры жан-дарма. – Давайте дождемся дамы.

Госпожа благодарно мне улыбнулась и в оглушающей тишине показала все шесть карт. Четыре «леди», черный «князь» и «ключ» – «Отцы-основатели». Сильнее только «Рука Всеединоного». Зал взорвался возгласами и поздравлениями. Я, довольно улыбаясь, вышел, прежде чем они опять начали бы меня упрашивать сыграть партию.

Надеюсь, инспектор Грей получил от этой игры точно такое же удовольствие, как и я.

Глава 7

Чэр мертвец

Муж Катарини нашел меня, когда я, несколько утомленный музыкой и беседой с членом Комитета по гражданству о миграции Иных в городскую черту, поднимался на второй этаж.

Он заметил меня снизу, прошел через весь зал, где вальсировали пары, и вступил на лестницу. Я смотрел, как он поднимается, одновременно кивая и принимая поздравления от проходящих.

Рисах – из племени сынов Иенала. Того поколения, которое в городе называется Создателями Печати. Они были первыми из своего народа, кому Князь разрешил поселиться в черте Рапгара. Раньше сынам жить в столице запрещалось.

Рисах – человек современных правил и принципов. Он не так религиозен, как его братья по крови, не носит бирюзовые мантии, не жалеет о Лакмии – последней потерянной иенальцами крепости, после чего начался их великий исход из страны, захваченной Малозаном, не поклоняется цветущему посоху и ведет светский образ жизни. Для ортодоксов его веры муж Катарини является чем-то вроде отступника от заветов предков, тогда как обычные иенальцы считают его благодетелем общины.

Рисах богат, честолобив, логичен до мозга костей, жесток с врагами, ему покровительствует Князь, и перед его силой и властью заискивают многие. Из больших достоинств этого человека могу назвать то, что он самозабвенно любит Катарину и своих детей.

– Тиль. Я рад, что ты пришел, – он протянул мне руку, и на его пальце сверкнул огромный бриллиант. – Спасибо. Это честь для нашей семьи.

У него хищное лицо с тонким носом, широкими ноздрями и глубоко запавшими глазами. Тонкая ухоженная борода и усы. Как и все иенальцы, Рисах носит в левом ухе серьгу в форме цветущего посоха. Правда, не все сыны могут себе позволить использовать для этого золото, бриллианты, рубины, изумруды и сапфиры.

– Спасибо, что пригласили меня, – сказал я в ответ, обмениваясь с ним рукопожатием.

Мы друг друга на дух не переносим. И он, и я дали это друг другу понять еще во время нашего первого знакомства. Рисах не любит таких, как я. Я не жалую таких, как он. Мы – люди разных взглядов и разного отношения к жизни.

Но, несмотря на это, наши взаимоотношения смело можно назвать равными. Во-первых, потому что мы оба достаточно воспитаны для того, чтобы уметь контролировать свою неприязнь и вести себя прилично и в обществе, и в беседах с глазу на глаз. Впрочем, это не главная причина нашего спокойного общения друг с другом. Основная – это, конечно, Катарина.

Я знаю, что ей будет больно, если ее друг будет врагом для ее мужа. Он знает, что его любимой женщине будет очень неприятно, если он будет плохо относиться ко мне. Поэтому, ради Кат, мы ведем себя, как воспитанные господа. Насколько я понимаю, она даже не догадывается о том, что мы с Рисахом, мягко говоря, недолюбливаем друг друга, но для счастья одной женщины забываем об этом.

– Катарина рассказала мне о твоём подарке. Я благодарю тебя и хочу сказать, что впечатлен. Поющая жемчужина – драгоценность, достойная Князя.

– Я никого не оскорблю здесь, если скажу, что Катарина достойна ее не меньше, – любезно ответил я ему.

Он вежливо улыбнулся, склонил голову, показывая, что принимает комплимент.

– Надеюсь, у тебя все в порядке? – его темные глаза светились показной заботой.

– Разумеется. Вечер прекрасный. Все замечательно. Извини, что я веду себя слишком нелюдимо.

– Ты абсолютно свободен, – он развел руками. – Еще раз хочу сказать, что для моего дома честь, что ты почтил нас своим визитом. Пойду к гостям. Если тебе что-нибудь потребуется – я в твоём полном распоряжении.

Мы раскланялись, и он стал спускаться вниз. Мажордом громогласно объявил приезд мэра.

Я вошел в галерею, заглянул в оружейную комнату, но Талера не было и здесь. Пожав плечами, я решил вернуться, поискать его внизу, чтобы все-таки попытаться убедить остаться, так как мне совершенно не хотелось огорчать Катарину, но тут дорогу мне преградил старший инспектор Грей.

– Какая встреча! – умилился я. – Вы решили оставить покер, чтобы побеседовать со мной?

– Я проиграл из-за вас! – он говорил все также резко, его глаза метали молнии, а левая половина рта кривилась от гнева. – Вы вывели меня из себя, публично оскорбили, и я требую публичных извинений!

Я с удивлением посмотрел на него и покачал головой:

– Не знаю, чего в вас больше – трусости или наглости, господин жандарм.

– Как вы смеете...

– Смею! – холодно перебил я его. – Смею, господин Грей. Если речь идет о публичных оскорблениях, то требовать извинений вы можете только публично, а не в пустом коридоре, где нас никто не слышит.

Он лишь вращал глазами и сжимал кулаки.

– Разговариваете вы со мной здесь потому, что, попроси вы извинений прилюдно, а я ответь вам отказом, у вас не осталось бы выбора и пришлось вызывать меня на дуэль.

– Я не собираюсь губить свою жизнь из-за пустых слов какого-то преступника! – прошипел он, разбрызгивая мелкие капельки слюны.

А вот это он уже зря. Анхель угрожающе вздохнула, и я почувствовал, как на ее клинке собирается *сила*.

Как я уже однажды говорил, мой голос достаточно тих для того, чтобы меня считали опасным, поэтому, когда я внезапно оказываюсь рядом, беру за грудки, приподнимаю над полом и впечатываю в стену, людей это... ошеломляет.

– Вы, старший инспектор, глупы и невежественны, что не раз и не два доказывали всем окружающим. Я с радостью бы выбил мозги из вашей пустой головы, если бы вы нашли в себе хоть капельку смелости подтолкнуть меня к этому. Позвольте освежить вашу память – преступником я был исключительно по вашей вине и вине господина Фарбо. Погоня за должностью, инспектор, сыграла с вами злую шутку. И, спустя шесть лет, вы стали посмешищем для всего города. Ума не приложу, почему чэр Гвидо эр'Хазеппа назначил на поиски опасного убийцы такое бездарное убожество, как вы.

Он что-то полузадушено пискнул, и я понял, что переусердствовал. Оторвал его от стены, поставил на пол и, разжав пальцы, поправил лацканы помятого смокинга.

– Вы пожалеете! – его вот-вот должен был хватить удар.

– Я уже жалею, – любезно ответил я ему, испытывая ощущение, что только что по собственной воле вляпался в кучу навоза. – Будьте так добры избавить меня от своего назойливого общества.

Он дернулся, хотел что-то сказать, передумал и, развернувшись на каблуках, пошел прочь.

– Опасную вы игру затеяли, чэр эр'Картиа, – сказал бы мне Стэфан, будь он здесь.

Я и сам был не рад, что не сдержался. Истинный чэр должен держать себя в руках, даже если разговаривает с личным врагом.

Я ощутил неодобрение Анхель. Она моих эмоций не разделяла и искренне считала, что один из тех, чей некролог я ежедневно ищу в «Времени Рапгара», должен был получить хорошую трепку.

– Извини, но лоск цивилизации еще не полностью с меня слетел. К тому же затевать столь вульгарную драку в доме Катарины мне не позволит совесть. Не хочется их дискредитировать. Господин Грей не стоит этого.

Амнис имела свое мнение на этот счет, но, понимая, что я все еще не в духе, оставила свои мысли при себе.

В коридоре появился взволнованный Вэйверли, дворецкий Гальвирров.

– Что-то случилось? – участливо спросил я его.

– Нет, чэр, просто я обратил внимание на старшего инспектора. Он спускался по лестнице и, как мне показалось, был чем-то недоволен. Я решил проверить, все ли в порядке.

Я уверил его, что все в порядке и, не спеша возвращаться в зал, попросил принести мне кофе в малую гостиную. Я частенько провожу там время, когда устаю от приемов. Ни Катарина, ни Рисах ничего не имеют против этого.

Один из стюардов принес мне поднос с кофейником, сахарницей и чашкой, поставил все на маленький шахматный столик, спросил, желаю ли я еще чего-нибудь и, не получив утвердительного ответа, поклонившись, вышел.

Я, все еще злясь на свою горячность, которую, как мне казалось, давно из себя изжил, выпил чашку и налил еще одну. Если меня кто и хватится, то не раньше, чем через полчаса.

Я совершенно не хотел подслушивать, но окно оказалось распахнуто, и до меня долетели обрывки громкого разговора.

– Иные совсем распоясались, Ацио! Того и гляди сядут нам на шею, – сказал надменный молодой голос.

– Это естественный процесс ассимиляции, Тревор, – не согласился его собеседник, мужчина с более низким голосом. – Комитет по гражданству положил доклад об этом на стол прошлому Князю еще четыре столетия назад. Иные сейчас такая же часть Рапгара, как и люди с лучэрами.

Они стояли внизу, прямо под окнами, кажется на маленьком балконе, откуда открывался вид на море и часть парка.

– Не вижу в этом ничего замечательного.

– Я знаю твою националистическую позицию, мой юный друг. Но ты слишком долго был в западных колониях. Там относительно чисто – ни стоунов, ни фиосс, ни махоров. Понимаю, что за пятнадцать лет владения изумрудными копиями ты привык к определенному укладу, но Рапгар город интернациональный, так что рекомендую тебе умерить пыл, пока кто-нибудь не оскорбился.

– Думаешь, я боюсь? – возмутился Тревор.

– Стоило бы. Мяурры и хаппелмы не любят подобных взглядов. А пикли вообще не станут церемониться. К тому же, многие лучэры и люди благоволят Иным. И это достаточно влиятельные господа, чтобы испортить жизнь даже такому богатому человеку, как ты, – Ацио, судя по акценту, из народа кохеттов, говорил несколько насмешливо, но в его словах чувствовалась не издевка, а участие. – Да и я, как представитель Комитета по гражданству, не на твоей стороне. Привыкай к законам и населению родного города. Не все Иные плохи, что бы об этом ни говорили секты Свидетелей крови и Носящих красные колпаки.

– В последнюю я бы с удовольствием всту... – собеседник охнул и приглушенно заворчал.

– Это уже перебор, Тревор. Надеюсь, нас никто не слышит. За такие слова серые жандармы берут в оборот, не глядя на регалии. В Красных колпаках стреляют без предупреждения.

Это точно. Выродки из числа лучэров здорово разозлили Князя, когда убили бригадного генерала мяурра и совершили несколько покушений на влиятельных Иных. Они объявили

войну власти, и та согнула преступников в бараний рог. Без жалости и церемоний. Последние полгода об этих чэрах ничего не было слышно, и самые большие оптимисты поспешили объявить, что организация вырезана под корень.

А вот Талер не так в этом уверен. Он считает, что основную ячейку Колпаков уничтожить не удалось, и теперь они сидят в какой-нибудь дыре, вроде Копоти, и строят очередной заговор. Впрочем, от моего друга тяжело было бы ожидать какого-то иного мнения.

– Я знаю, что вы друг чэры эр'Бархен, но и она не сможет спасти вас от надзора Скваген-жольца. Серые – не синие. Они подчиняются напрямую Князю, а тот дал приказ совершенно однозначный. Так что прошу вас – не надо запрещенных названий, особенно, когда нас могут слышать.

– Хорошо, – вздохнул этот Тревор, кем бы он ни был. – Вы совершенно правы. Извините мою горячность.

Я встал, намереваясь закрыть окно, считая, что услышал и так достаточно того, что не предназначалось для моих ушей, но следующие слова господина Тревора заставили меня остановиться:

– Скажите, Ацио, кто был тот лучэр, что так замечательно испортил игру старшему инспектору Грею?

– А-а-а, – протянул мужчина, едва заметно усмехнувшись. – Его зовут чэр эр'Картиа. У него с господином старшим инспектором старые счеты. Вы разве не в курсе этой истории?

– Разумеется, нет. В колонию новости порой совсем не доходят, особенно, если они светские и незначительные.

– Я бы не сказал, что история незначительная. Сигару?

– Извольте.

Чикнули ножницы, зашипела химическая спичка. После этого кохетт сказал:

– Громкое было дело. Газеты едва не захлебнулись от восторга. Знаете, что произошло на вилле «Черный журавль»? Неужели не слышали?! Ну, дела! Ваши изумрудные поля совсем оторваны от мира! Если кратко, то эр'Картиа из тех людей, кому сопутствовала удача. Влиятельная фамилия, еще более влиятельные родственники, в том числе и в Палате Семи. Кстати говоря, они враждуют с чэрой эр'Бархен, которая вам покровительствует.

– Очень интересная информация, – поблагодарил Тревор. – Но продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

– Эр'Картиа в то время был азартным игроком. Я бы сказал – лучшим из тех, кто садился за карточный стол. Он жил «Княжеским покером», но в конце концов удача от него отвернулась. Если честно – не возьмусь говорить со стопроцентной уверенностью, основные слухи поступали из газет и сплетен, но это было что-то, связанное с карточным долгом, – Ацио на мгновение замолчал, наверное, выдыхая сигарный дым. – Тогда к этому много чего приплели. Короче, между двумя игроками вспыхнула ссора, которая через несколько дней закончилась смертью должника.

– Чэр убил его?

– Так считали.

– С каких пор убийство в Рапгаре считается громким делом? – хохотнул Тревор. – В славном городе только и делают, что убивают друг друга. Ночной Мясник тому пример.

– Не скажите. Ночной Мясник и эр'Картиа – случай особый.

Ну, спасибо, любезный господин из Комитета по гражданству, что сравнили меня с этим психопатом!

– Убийство убийству рознь. Лучэр убил другого лучэра. Да еще и зятя Князя.

Пораженный Тревор тихо выругался и сказал:

– Тогда что он делает на свободе?! Здесь?!

– Я говорю – темное дело. Свидетелями ссоры были очень многие. Все произошло на ежегодном осеннем балу. Убитый – чэр эр’Фавиа – отказался возвращать долг, аргументируя это тем, что эр’Картиа жульничал. Разразился громкий скандал. Молодой чэр дал должнику пощечину прилюдно. Затем он пошел на виллу, где тогда жил эр’Фавиа и самая младшая из дочерей Князя. Слуги видели его. Слышали новую ссору. А затем нашли тело хозяина и господина эр’Картиа, который был без сознания, весь в крови убитого и с ножом.

– Ясно.

– Князь был в бешенстве.

– Могу себе представить.

– Нет. Не можете, – сказал Ацио. – Свидетели были единодушны. Слуги и друзья убитого под присягой подтвердили, что эр’Картиа угрожал. Нож, кровь. Разбор дела не занял много времени. Следствие провели два младших инспектора – Грей и Фарбо. Они много чего раскопали. Не отмажешься. Палата Семи практически единогласно признала лучэра виновным в жестоком убийстве. Все остались довольны.

– Кроме эр’Картиа, – усмехнулся заинтересованный Тревор.

– И его друзей, – подхватил кохетт. – Гальвирры, кстати говоря, к ним относятся. Обвиненный до последнего отрицал свою вину, но так и не смог внятно объяснить, что там произошло. Впрочем, из-за того, что Князь требовал разобраться с делом как можно быстрее, к нему мало кто прислушивался.

– Удивляюсь лояльности Владыки. Я слышал, что у него крутой нрав. Убийцу мужа дочери он мог бы задушить голыми руками, без всякого суда. Никто бы ему и слова не сказал.

Ацио издал звук, который я расценил, как согласное хрюканье.

– Верно. Но газеты пронюхали раньше, дело получило серьезный общественный резонанс, так что процесс получился публичным и показательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.